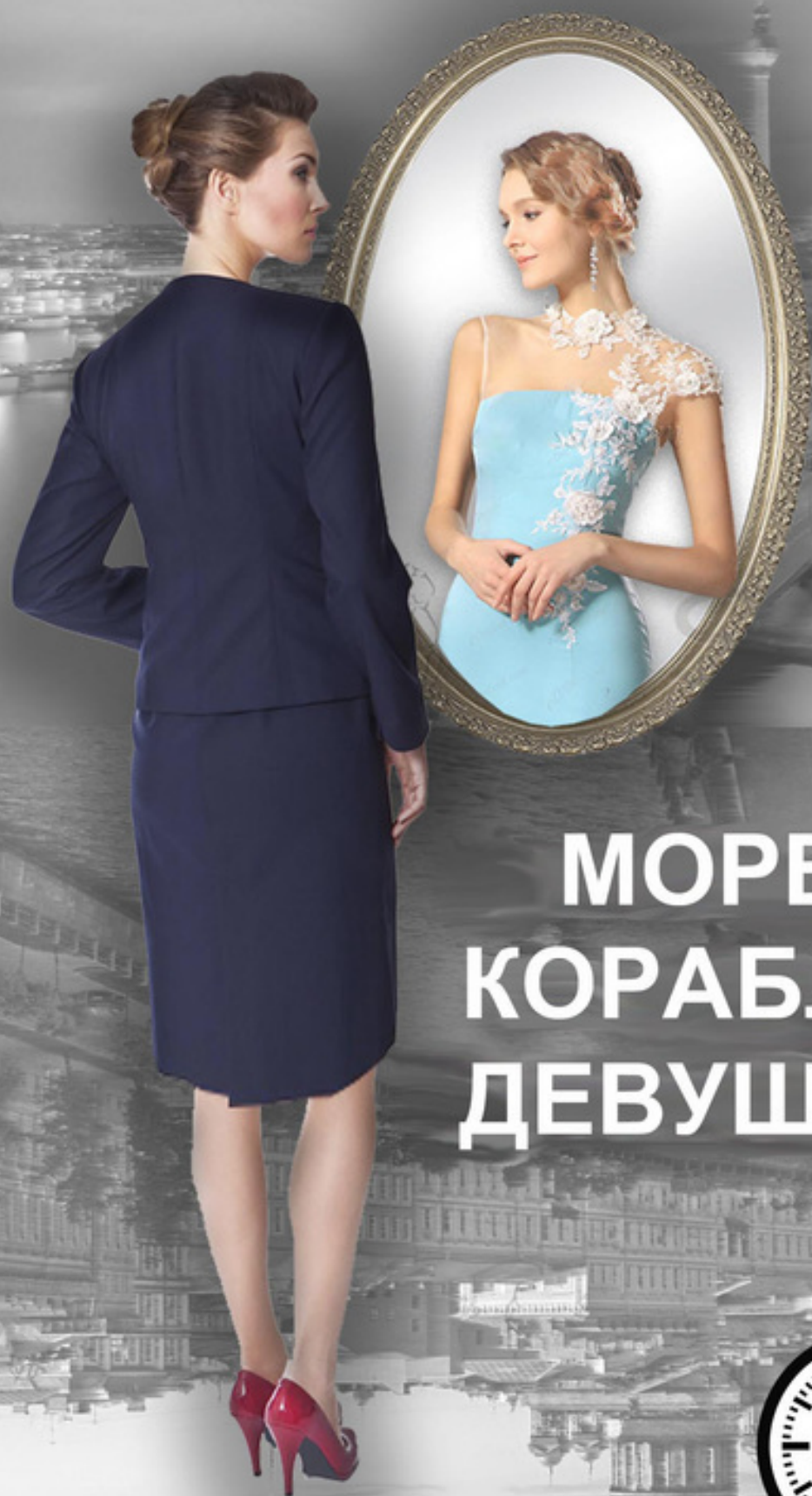

**ГАЛИНА
ВРУБЛЕВСКАЯ**

**МОРЕ.
КОРАБЛИ.
ДЕВУШКА**

Романы и сборники малой прозы

Галина Врублевская

Море. Корабли. Девушка

«Автор»

Врублевская Г. В.

Море. Корабли. Девушка / Г. В. Врублевская — «Автор»,
— (Романы и сборники малой прозы)

ISBN 5-9524-0650-5

Говорят, что маленькие белые слоники приносят счастье. Но Катя знала лишь то, что много лет назад украшение с такими фигурками ее матери подарил мужчина, которого та любила и которому родила дочь. Теперь только эти слоники и остались... Катя решает разыскать отца, чего бы это ей ни стоило, — а находит свою любовь. Она пока не догадывается, что встретила мужчину своей жизни, не подозревает, какие злоключения выпадут на ее долю. Жизнь жестоко разводит их в разные стороны, и теперь Катя должна заслужить у судьбы право быть со своим любимым...

ISBN 5-9524-0650-5

© Врублевская Г. В.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Галина Врублевская

Море. Корабли. Девушка

Часть первая

ЛОМАЯ ПРЕГРАДЫ

Катя присела на розовато-коричневый теплый валун, задумчиво погладила его шероховатый бок. Ее взгляд был устремлен вдаль. Отсюда, с побережья Финского залива, виделось многое. Однако ни отдаленный туманный силуэт Морского собора, ни серые тени кораблей на горизонте не привлекли ее внимания. Девушка плыла в собственном мире, ее завораживала причудливая игра воды и солнца. Мгновение – и легкая зыбь, поднятая ветром, всколыхнулась тельняшкой гигантских размеров. Слепящие серебристые полосы матросского полотна торопились к берегу.

Катя проследила их путь взглядом: мерцающие ленты свертывались в бурлящие свитки и накатывались на отмель, затем раскрывались, тускнели и нехотя уплывали прочь. Уплывали, так и не выдав своей тайны: почему радостные, такие яркие в отдалении ленты становятся бесцветными вблизи? Почему мечты разбиваются о явь? Почему журавли остаются в небе?

Глухой рокот невидимых сил встречал и провожал волны. Морской бриз ласкал тело девушки, едва прикрытое легким платьем. Почему рядом нет любимого человека, нет поддержки и понимания?

Больной вопрос обратил мысли Кати в новое русло. Она вспомнила роковой год, перевернувший ее жизнь. Ленивое перешептывание волн у ее ног становилось все невнятнее, зато ожившие воспоминания приобрели отчетливость сегодняшнего дня. Тот же Финский залив, только бухта другая, далекая от Санкт-Петербурга. Теперь она и вовсе принадлежит другому государству...

«Нет, то была не я!» Катя пыталась стереть из памяти неприглядные сцены, встающие перед ее внутренним взором. Но запоздалый стыд, как стократная лупа, усиливал вину за глупые выходки и необдуманные поступки. И хотя своенравная беспутная девчонка осталась на чужом берегу, память снова и снова вызывала ее на беспощадный суд.

Глава 1

Поезд летит, рассекая ночную мглу. Вдали мелькают редкие огоньки, вызывающие неясное чувство тревоги. Неожиданно я понимаю, что боюсь предстоящей встречи со своим пока незнакомым мне отцом. Я пристроилась на откидном сиденье в коридоре купейного вагона, прислонясь плечом к окну. Спать сидя не удастся: при каждом толчке я просыпаюсь от легкого удара головой об оконное стекло. В начале коридора, на другом таком же сиденье, плотно угнездили наш староста и мой парень, Юрка Нежданов. Мне виден лишь его крепкий, упругий зад – голова почти упала на колени, потянув за собой туловище. Это по Юркиной милости наша группа рассыпана сейчас по всему поезду, как стайка безбилетников. Смешно вспоминать, как мы прорывались через проводника, доказывая, что билеты у нас имеются. Наш староста размахивал пачкой розоватых бумажек – билетов, действительных накануне. Он перепутал дату отъезда: начало ночи сплюсовал не с тем днем. Вчера, должно быть, полвагона порожняком гнали.

Все-таки мы, оттеснив проводницу, пролезли в вагон. Поезд тронулся. Потом Юрка объяснялся с бригадиром. Коренастый, обстоятельный, он вызывает доверие у взрослых. Голова с ежиком коротко стриженных волос кажется великоватой при его скромном росте (он ниже меня). Такие большие головы, я замечала, всегда бывают у добрых людей.

И взгляд у Юры открытый, прямодушный. Вот такой у нас староста: чуть рассеянный, немного странный, медлительный. Я – полная противоположность ему, гремучая смесь. Тронь меня – мигом взорвусь. Про меня можно сказать, что я – непоседа, даже темные кудри во все стороны разлетаются, будто им неймется. Однако не зря говорят: противоположности сходятся. Ладно, хватит о нашем штурме вспоминать. Едем – и хорошо! Кто на третьих полках в плацкартных вагонах примостился, кто, как мы, в коридоре купейного устроился.

Колеса стучат по рельсам, выводя нехитрую мелодию: «И-та-та, та-та, татати. И-та-та, та-та, татати». Полный кайф, если бы не темнота за окнами.

Темнота для меня с ранних лет – неясная опасность. Взрослые в разговоре обо мне часто добавляют: у девочки было трудное детство. Но я терпеть не могу, когда меня жалеют. Я хочу быть как все.

Хотя да – рано осталась без родителей. Отец бросил маму, она сломалась, спилась и нелепо погибла. Мне тогда двенадцать исполнилось. Дальше бабушка меня воспитывала, как могла. Она была добрая, хозяйственная, но совсем необразованная женщина. Справиться со мной было нелегко, теперь я понимаю. Я слишком болезненно реагировала на любое замечание, а снисходительная забота общественности вообще приводила меня в бешенство.

Помню, родительский комитет собрал мне деньги на туфли. Вручили, напутствовали, чтобы хорошо училась и вела себя пристойно. Разве родители, когда детям обновку покупают, ставят им условия?

Я разозлилась и купила на эти деньги тридцать штук эскимо, на весь класс. Ребята были в восторге, а их родители посчитали меня гордячкой и черт знает что про меня навывдумывали. Больше мне материальную помощь не оказывали. А в седьмом классе я влюбилась без памяти. Он был уже взрослым, казался мне сильным и надежным, как отец.

Вроде как замена моему отцу, давно бросившему нас с мамой. Отца мне сильно не хватало. Бывало, придешь в гости к подружке, а там умный, понимающий папка. Отец и задачку объяснит, и в шахматы играть научит, и фотоаппарат купит. Так вот этот первый мой мужчина, он у нас в школе электриком работал, тоже мне таким показался сначала.

Водил меня в кино, в кафе-мороженое, а летом – в лес, за грибами возил. Я обычно все летние каникулы в пыльном городе болталась, а он мне радость подарил: солнце, речку, цветы. Там однажды у нас с ним все и произошло. Конечно, я про мужчин и женщин и раньше знала,

когда еще мама была жива. Она не была святой. Но тут я в такую грязь вляпалась, о которой и понятия не имела.

Попала в больницу, венерологическое отделение.

Дальше – больше: меня на учет в милицию поставили. Правда, я своего электрика не выдала, пожалела. Но меня он не пожалел. В больнице ни разу не навестил, а скоро и с работы уволился, так что замел свои следы. За мной с тех пор слава «трудной девочки» окончательно закрепилась.

Успеваемость моя тоже на спад пошла. В младших классах я почти в отличниках ходила, хотя мамини гости часто уроки мешали делать: комната у нас одна была. Потом отметки хуже стали. Но еще в шестом классе я мечтала стать переводчицей. И учительница английского своей красотой и модными нарядами поражала, и сам язык мне хорошо давался. Иностранные слова с лету запоминала. Но по другим предметам уже на тройки съехала, а по математике даже пару в четверти заработала. В восьмом мне стало ясно, что институт – это не для меня. Бабуля на пенсии, болеет все время, денег в доме нет. Да и мои успехи в школе совсем к нулю приблизились. Даже англичанка стала мне тройки лепить. Видно, решила, что ее четверки и пятерки в моем дневнике белыми воронами смотрятся. После восьмилетки не долго думала, куда идти, – мне все равно было. Тишка, моя лучшая подруга, в морской техникум подалась, и я с ней за компанию. Стипендия там была выше, чем в библиотечном, например. И учиться весело, ребят больше, чем девчонок.

Теперь у меня все как у людей, заканчиваю техникум.

Едем с группой на практику, на морской полигон.

Жаль, бабуля не дождалась, когда я диплом получу и встану на ноги, как она говорила. Совсем чуть-чуть не дождалась. Еще зимой она была жива. Вновь передо мной четко обрисовалась старая кровать, на которой умирала бабуля. Знакомая с детства кровать, с блестящими шишечками на железной спинке. Вылинявшие глаза бабули, с застывшим в них вопросом:

– Я ведь не умру, Катенька? Я поправлюсь? – Судорога искривила бескровное лицо бабули.

Сестра из поликлиники должна прийти только через два часа. Она колет бабуле наркотики. Милая бабулька умирает от рака, и никто уже не сможет ей помочь.

– Конечно, бабуля, ты скоро поправишься, – заверяю я. Именно так говорят все взрослые, заходящие ее проведать. – Язва желудка – дело нешуточное. Лечиться придется долго, но все будет о'кей. Ты обязательно выздоровеешь!

– Выздоровею, – с надеждой повторяет бабуля, но снова резкая боль заставляет ее стиснуть зубы.

Проходит минута, другая. Бабуля вновь нарушает молчание:

– Все же я хочу тебе сказать, внученька, – бабуля пережевывает во рту язык, будто пытается избавиться от застрявшего в зубах зернышка, – Генка-то Петров не твой отец. Он тебя узаконил, но твой настоящий отец...

Я задерживаю дыхание, наклоняюсь к бабуле. Может, она бредит? Такого не может быть!

– Ну?

Но бабуля прикрывает глаза и замолкает. Ее дыхание учащается. Я поправляю ей одеяло, поглаживаю редкие, взмокшие у висков волосы. Не открывая глаз, она вновь начинает говорить:

– Твой отец – большой человек. Может, даже генерал.

Я качаю головой. Определенно бредит. Представить свою мать с генералом мне трудно, не из того курятника птица. Вижу ее в своем дошкольном детстве. Отец еще жил с нами. Он матросом был, часто уходил в море на несколько месяцев. А она уже и тогда попивала, но еще пыталась заботиться обо мне. И даже как-то напоказ заботилась, но это мне только теперь ясно

стало. Помню, купит мне обновку, шапочку или платье, и перед всеми знакомыми хвастается. Понимаю, сама перед собой оправдывалась. Дескать, не пропила, а на ребенка потратила.

Еще в зоопарк водила. Мы тогда рядом, на Зверинской улице жили. Бродим, бывало, от клетки к клетке, разных там медведей, лисиц разглядываем.

И мать достанет из объемистой сумки плоскую бутылочку с «водичкой» и отхлебнет несколько глотков. И после сразу добрее и оживленнее делается.

На мои приставания дать попробовать «водички», отвечала, что это ее лекарство. Один раз я попробовала тайком это «лекарство», чуть не задохнулась, будто огнем в горле полыхнуло. Это была даже не водка. Водку-то мне отец как-то раз дал попробовать, чайную ложечку, когда мне лет пять было.

Теперь-то выяснилось, что и не отец он мне был вовсе. Водка была, ясное дело, горькая, но это...

Позднее уже я узнала, что у маменьки в плоской бутылочке был спиртяшка. Мне к тому времени лет девять исполнилось, и я уже понимала, что к чему.

Мать моя была фельдшером и спирт на работе приворовывала. Она тогда еще в санчасти училища работала. Но вскоре ее, думаю, за постоянное пьянство уволили. Отец незадолго до того исчез, ушел в самоволку за границы. Так его и не отыскали. Она устроилась дворником в ЖЭКе. Всем поясняла, что из-за ребенка, то есть меня, сменила работу. Говорила: «Не хочу, чтобы Катя после школы безнадзорная болталась. Все лучше, когда мать в доме: и проследит, и обедом накормит». Но в последние месяцы ее жизни обедов в нашем доме почти не было. Хорошо, если мать кашу сварит. А так она все свое время в компании сантехников и электриков проводила. Я часто приходила забирать ее, еле живую, из подвала, где их компания выпивала.

Бедная мамочка, и все-таки я ее любила, несмотря ни на что. Она никогда не устраивала пьянок, тем более дебошей, у нас в комнате. Но отдельных мужчин в гости приводила. И бросить пить она уже не могла. Одна такая попойка в жэковском подвале оказалась для нее последней. Событьишники ради экономии распили бутылку какой-то технической жидкости или денатурата и всей гоп-компанией чуть на тот свет не отправились. Но мужиков откачали, а мать мою спасти не удалось. Мне в тот год двенадцать лет исполнилось.

Как я сказала, опеку надо мной взяла бабуля, мамина мама. Она жила на острове, в городе-крепости Кронштадт под Питером. Там я прежде проводила каждое лето. После смерти мамы бабуля обменяла свою комнату и нашу с мамой на маленькую квартирку в питерских трущобах в районе Лиговки. Район был промышленный, загазованный, зато нам досталась отдельная квартира на улице Расстанной. Квартирка – аховая. Комната длинная, полутемная, а кухня и вовсе без окна. Зато имеется душевая кабина и чуланчик в тупике коридора. Но главное ее достоинство – без соседей. На Зверинской, где мы прежде с мамой жили, еще двенадцать семей обитало.

В этой маленькой квартирке на Расстанной бабуля и умерла. Полгода не прошло. Я почувствовала, что слезы медленно скатываются по моим Щекам. Каждый раз, как я вспоминаю бабулю, не могу удержаться от слез. А многие считают меня бесчувственной, сорвиголовой. Я всегда на людях прикалываюсь, за что, наверное, и прозвище в школе получила: Петрушка. Хотя тут скорее фамилия Петрова виновата.

* * *

Бабуля снова открыла глаза. Это был последний вечер, когда она еще была со мной.

– Ты же помнишь, Катюша, что Нина, мама твоя, в военно-морском училище имени Дзержинского работала?

– Да, бабуля, помню.

– Был там один курсант, Валерка Островский, тоже наш, кронштадтский. Мы вместе с его матерью, Клавой, на Морском заводе работали.

Бабуля вдруг оживилась, увлеченная воспоминаниями о своей молодости. Она сбивчиво, перескакивая с одного на другое, говорила о себе, о Клаве, о ее муже, тоже Валерии. Оказывается, тот, старый Валера нравился ей самой. Но война перемешала все пути и судьбы, и моим дедом стал другой человек. Я с трудом следила за нитью ее рассказа, пытаясь запомнить главное: человека, которого она назвала моим настоящим отцом.

Выходило так, что Геннадий Иванович Петров, который числился моим отцом по метрике, таковым не был. В те годы он работал моряком торгового флота и часто уходил в заграничку. И Нина, моя мама, в это время сблизилась с курсантом Островским.

Вышло это так. Иногда курсант Островский получал увольнение на целый день и двигал в Кронштадт, навестить своих. И моя мать к бабуле в гости навещалась. Городской автобус, поезд, паром через Финский залив – не близкий путь. С попутчиком дорога всегда кажется короче. Прибыв на место, каждый шел к своей матери, но раз-другой Островский заходил в гости к Нине. Бабушка все подмечала и пыталась удержать дочь от легкомысленной связи, напоминая о том, что у той есть муж.

Когда Петров вернулся из загранички, совместные поездки земляков в Кронштадт прекратились. Вскоре родилась я и была записана Екатериной Геннадьевной Петровой.

Бабуля сморщила лоб, закатила глаза к потолку, что-то усиленно припоминая:

– Нет, мне она вначале тоже голову дурила. Но я сама вычислила по срокам да ее оговоркам. Когда Бог искру в твою душу заронил, не было Гены в городе. Он лишь через два месяца появился. Тогда Нинка всем говорила, что ты семимесячной родилась. А позже-то, когда Генка за границей остался, из рейса не вернулся (ты уже в школу в тот год пошла), тогда и она отпираться не стала.

– Так прямо все тебе и выложила? – Теперь мне хотелось подробнее разузнать о моем настоящем отце.

– Да как-то она была выпивши, и зашел у нас спор. Я ей тогда пеняла, что за девчонкой плохо смотрит, за тобой то есть. Говорю, будет такая же беспутная, как папаша, Генка-то. Он, когда домой возвращался, устраивал сплошные пьянки-гулянки.

Нет чтобы по дому что подправить, прибить-починить. Матросня, она и есть матросня. Нет у них чувства хозяина в доме. А Нинка и скажи: «Нет, маманя, Катюха у нас в большие люди выйдет. У нее кровь-то сильная. Знаешь, кто ее настоящий отец?»

Ее папаша – важная персона. Поди, сейчас целым флотом командует. Не меньше чем генерал-адмирал». Я сразу ее встречи с Валеркой Островским и припомнила. Ну, понятно, насчет адмирала она по пьянке прихвастнула. Какой такой адмирал, едва училище тогда закончил и служил где-то на кораблях. Его мать Клава об этом рассказывала. Но когда я про Валерку-то Островского узнала, Клавы, царство ей небесное, уже и в живых не было, обсудить новость было не с кем. Да и не велела мне Нинка это дело ворошить, по людям сплетни расплескивать. Что да как он нынче – мне неизвестно. Но сейчас уже столько лет прошло, мужику, поди, уже сороковник сравнялся, точно шишкой стал. Тогда Нинка запретила мне тебе об отце говорить, зря душу баламутить. Но сейчас, думаю, пора тебе узнать. Ты его разыщи, девочка. Не ровен час – со мной что случится. Одна на всем свете останешься.

Вновь гримаса боли искривила исхудалое за последние месяцы лицо. Бабуля застонала, и ее слабые стоны уже не прекращались, пока не пришла сестра и не сделала обезболивающий укол.

– Да, вот еще что, – вновь заговорила бабуля, когда лекарство подействовало и боль отпустила ее, – найди-ка в шкафчике мешочек со слониками.

– С какими слониками? – не сразу поняла я.

– Ну, вырезанными из кости.

– А!

Я достала затерянный среди ниток и пуговиц мешок с рассыпанными костяными фигурками, которыми я любила играть еще в детстве. Это были плоские, как брошь, слоны, видно изготовленные специально для подвесок. На спине каждого имелось и маленькое ушко, чтобы подвесить фигурку на нить. Нитка давно порвалась, и фигурки, их было три, россыпью лежали в мешочке. Мать почему-то так и не удосужилась нанизать их на нитку вновь. А мне это было ни к чему. Сейчас такие, украшения не в моде. Я взяла слоников, подошла к кровати и вложила их бабушке в вялую ладонь.

Бабуля нащупала пальцами фигурки и грустно улыбнулась.

– Обещай, Катенька, что соберешь этих слоников на нитку. Это подарок твоего настоящего отца.

Я сколько раз заставляла Нину привести их в порядок, но она так и не удосужилась. Оттого и жизнь у нее пошла наперекосяк, – неожиданно заключила бабуля.

Бабуля вновь закрыла глаза, задышала спокойно и уснула. Пальцы, сжимавшие слоников, разжались, и фигурки рассыпались по одеялу. Я положила их на прежнее место, в мешочек. Затем прилегла рядом на своем диванчике и тоже уснула. Но ночью проснулась от давящей тишины. Я сразу поняла: бабули, Антонины Егоровны Кузнецовой, больше нет.

* * *

Поезд замедлил ход, заскрипели тормоза, вторя моим мыслям: «Бабули не-е-ет, нет». Скрюченная Юркина спина впереди меня дернулась вперед. Он повалился, как голубь с подоконника, но в последний момент проснулся и удержал равновесие. За окном мелькнуло освещенное фонарем название станции, уже на незнакомом мне эстонском языке.

Питер был теперь где-то далеко. Поезд минуту постоял и тронулся вновь. Здорово ехать в поезде дальнего следования. Я еще никуда далеко не ездила. Жаль, Юрка с билетами напутал. Лежала бы сейчас себе на полочке, как королева. Я поменяла положение и уперла локти в колени, как Юрка.

Думаю, что со своими тройками я бы сейчас на местном заводе среди железа где-нибудь парилась.

На Балтийский флот, на морской исследовательский полигон, взяли в основном парней и девчонок-отличниц. Я оглянулась. Интересно, Тишка спит или, как я, в себе ковыряется? Тишка сидела прислонившись спиной к стене вагона, и глаза ее были закрыты. Точно, дрыхнет. Тишка – моя главная подруга. Вообще-то ее зовут Оксана Тихонова.

Мы с ней дружим со школы. С той школы, куда я перешла после смерти мамы, когда мы с бабулей переехали на Расстанную улицу. Меня, новенькую, девчонки сразу невзлюбили: слишком независимая.

Зато парни табуном за мной бегали. А Тишка – всегда со мной. Она до этого одна ходила, а тут ко мне прибилась. Тишка – удобная подружка. Всегда уроки сделает и мне даст списать. Только я не из-за этого с ней хожу. Но что же, в самом деле, я в ней ценю?

Видом Тишка невзрачная. Белобрысая, жидкие волосы в хвостик завязаны. Лоб прыщавый, дешевенькие очки вечно на нос сползают. И до сих пор (уже техникум заканчивает!) бесцветные свои ресницы красить не научилась. Говорит, аллергия! Подумаешь, прыщ выскочит, аллергия. Вот меня эта аллергия скручивает порой так, что свет не мил. В детстве весь рот и щеки в болячках были. В школе все время с насморком ходила. Намучилась я, честное слово. Только легкая атлетика меня и спасла. Это я в техникуме уже занялась спортом. На коротких дистанциях приличный результат показываю. И бегаю в любую погоду. Но если цветение, пыльца, даже если стиральный порошок в нос попадет – сразу чихать начинаю. Вообще техникум у нас отличный, только учиться в нем трудно. Да, потянулась я за Тишкой. У нее родители

на судостроительном заводе работают, они ее в этот техникум наострили. У нас треть Питера – корабелы. Ну и она из такой династии. Я бы лучше в медицинское училище пошла: мне с людьми интереснее, чем с железом. Но бабуля была против медицинского. Боялась, что судьбу ее Нины повторю. Там, говорила, спирт немереный. Эти ее страхи – дурость одна. Я водку ненавижу. Пью только вино, да и то в компании, а одна, как мать, – никогда.

Так и пошли мы вместе с Тишкой экзамены в морской техникум сдавать. Она и мне задачу по математике решила. Остальные экзамены я сама одолела: где шпорами подстраховалась, где в учебник подсмотрела. Получила свои тройки. И меня, как сироту, по льготному списку зачислили. Вообще-то в наш техникум конкурс высокий был, потому что там для парней имелаась военная кафедра и они могли потом от армии откосить.

* * *

Так за что же я свою Тишку люблю? Она, как дурочка, целыми днями ребусы и кроссворды разгадывает. И ни одного парня у нее еще не было. Хотя она всегда влюблена до смерти в какого-нибудь препода или артиста незнакомого. Но зато она от меня не отвернулась, когда о моей беде из венерической больницы в школу сообщили. В больнице навещала, фрукты приносила. Другие, когда я пришла после в класс, линейку из моих рук брать боялись. Видела я – тихонько о фартук ладони вытирают. А мальчишки, напротив, как-то осмелели, решили, что со мной все можно. Только я теперь уже ученая стала. Никого и близко не подпускала.

Но в восьмом классе опять влюбилась. Отношения у меня с тем парнем, десятиклассником, самые чистые были, только за ручку держались, когда по школьному коридору прогуливались. Но семья его все про меня прознала и спасла своего сынка от падшей женщины. Никогда не забуду его последние слова: «Любимая женщина когда-нибудь должна стать матерью, а на хоженной тропке...» Ну и так далее. Так мне обидно было, будто клеймо на мне поставили. Ясное дело, за родителями, как попугай, повторял. Тогда, если бы не Тишка, я бы повесилась, наверное. Она меня к себе домой жить позвала, там мы с ней и к экзаменам в техникум вместе готовились. С тех пор я в любовь вообще не верю.

Дружба – другое дело. Дружба – это когда люди друг другу нужны и один другому полезен. А любви нет на свете, ее писатели придумали. Таким я теперь циником стала. Обидно, но выгорела моя душа. Тишка – верный друг. Хотя она в жизни мало что видела, но чужую боль чувствует. За это я ее ценю и всегда ей помочь готова. И еще люблю ее за то, что она – неисправимый романтик, все надеется встретить своего принца. Завидую я ее наивности!

Спокойно и надежно стучат колеса на стыках рельсов. Темнота уже не кажется такой крошечной. Или мы выехали на открытое место и лес отступил от полотна?

Так вышло, что признание бабули перед смертью повернуло все в моей жизни. Даже место практики изменило. Я часто думала над ее последними словами, разные факты припоминала. Выходило так, что мой отчим Гена и впрямь как папаша вел себя недостойно. Я еще мала была, но никому не рассказывала о его забавах. Он пригрозил, что, если скажу кому, меня у мамы заберут и в детский дом поместят. Ребенок всему верит. А его любимая игра была – «в котика». Страшновато мне было, но как-то весело. Не помню, когда это впервые началось, но в шесть лет я уже пыталась убежать и прятаться от Петрова. Да разве маленькая девочка справится с мужиком! Мой папка – как-то трудно мне отвыкнуть называть его так, одним словом Гена – уходил надолго в море. А когда возвращался, то, как и говорила бабуля, баламутил и валял дурака. Он часто играл со мной. Были, конечно, и обычные игры: в прятки, в жмурки. Или он – лошадка, бегает на четвереньках, а я сижу на его спине. Но когда мать была на дежурстве в училище, Петров затевал игру «в котика».

Он забирал меня из детского сада (я была на пятидневке) и приводил домой. Мы ели что-нибудь вкусненькое. Мне он покупал пряников и мороженое. Сам пропускал рюмочку-другую,

впрочем не напиваясь допьяна. В один из таких наших праздничков он и дал мне попробовать водку в ложечке.

Потом мы барахтались на кровати с металлическими шишечками, в шутку боролись. Я тыкала в него маленькими кулачками, а он меня щекотал. В какой-то неуловимый момент Петров приподнимался с кровати, гасил верхний свет и включал маленький тусклый ночничок. Наступало притягательное состояние жути, когда страшно, но понимаешь, что это все – понарошку, только игра. На стене метались наши искаженные тени. Вместо моих кудряшек торчали маленькие рожки. Тень папы Гены казалась зловещей птицей. Огромные крылья появлялись на обоях, когда он торжественно, будто занавес на эстраде, раздвигал длинные полы своей рубахи (про брюки я не помню). Вслед за этим взмахом откуда-то снизу выскакивал забавный резиновый котик, надетый на его огромный «палец».

Котик был яркий, цветной, но тень от него, как ей и положено было быть, была жгуче-черной. Мы дружно начинали распевать песенку: «Котик-Мотик, где ты был? На Фонтанке водку пил. Выпил рюмку, выпил две, закружилось в голове». Позднее я искренне была удивлена, узнав, что герой этой песни, оказывается, – Чижик-Пыжик.

Полагаю, что финальный аккорд подобных игр со всеми возможными последствиями был не за горами, продлись они чуть дольше. Но мне в определенном смысле повезло: папа Гена смылся за кордон в мои восемь лет.

После того как бабуля открыла мне тайну моего рождения, мне стало понятно, отчего папа Гена так вел себя со мной. Ясное дело: дочь – не родная, отчего не повеселиться. Почему-то мне стало обидно, что меня так использовал посторонний человек.

Сколько лет об этих неприличных играх не вспоминала. Зато помнила, как он водил меня в парк кататься на карусели, и прочие красивые картинки вставали перед глазами. Но уроки Петрова не прошли для меня бесследно. Тело мое уже знало, что такое удовольствие. Потому я так легко и поддавалась на соблазн электрика. Тому было тоже ведомо, на какие кнопки надо нажать, чтобы у девушки голова закружилась и ноги подкосились. Он лишь не заботился о том, как оградить свою «милую девочку» от злой болезни. Зато я теперь образованная, знаю, для чего презерватив нужен. Хотя, кроме Юры, у меня других мужчин нет.

Но порядок есть порядок.

Резкий гудок встречного тепловоза заставил меня вздрогнуть. Ко мне снова вернулся страх. Страх встречи с настоящим отцом. Эта встреча надвигалась на меня так же неотвратимо и стремительно, как мчащийся навстречу локомотив. С отцом, который не знал, что скоро увидит свою старшую дочь. А сколько у него сыновей и дочерей помимо меня? Я ничего не знала о жизни Валерия Валерьевича Островского. Знала одно: завтра, на полигоне, я увижу его. Я тихонько приподнялась со своего сиденья и вышла в тамбур. Достала пачку сигарет, прикурила от зажигалки и с удовольствием втянула в себя струйку горьковатого дыма.

* * *

Я вспомнила, как неожиданно легко я нашла место проживания своего отца.

Приближалась последняя, летняя сессия. За ней последуют практика, дипломное проектирование и защита. И все. Прощай техникум. Но мысли мои были далеки от зачетов и экзаменов. Теперь я хотела найти своего настоящего отца. Найти, чтобы просто посмотреть на него. Я не рассчитывала, что он примет меня в свои объятия и будет помогать материально. Понимала: у него есть жена, другие дети. К тому же через полгода я сама начну работать, так что деньги меня не интересовали.

Бабуля говорила мне, что мой отец – родом из Кронштадта, и я решила съездить туда. Я проявила завидное упорство. Кронштадт был закрытый, секретный город, но я созвонилась с

прежней подружкой детских лет, чтобы мне выписали гостевой пропуск. Катером я добралась до острова и увидела, что город почти не изменился со времени моего детства.

Я прошла по старинной, мощенной камнем площади. Поглазела на величавый собор без креста, спустилась в крутой овраг. Прорытый в нем канал позволял увидеть завод, где когда-то работали моя бабуля Тоня и ее подруга Клава, тоже, получается, моя бабушка. Я помнила, что баба Клава умерла прежде моей бабули. Но я надеялась узнать что-либо о ее сыне Валерии у соседей. Однако ближайшие соседи жили здесь недавно и ничего не слышали о прежнем жилье, а дальние соседи хоть и помнили Островских, но не знали, где служит сейчас Валерий Валерьевич. От нечего делать я зашла в местный музей военно-морского флота. Когда-то бабушка водила меня сюда, чтобы показать экспозицию, связанную с моим дедом: бескозырку с оторванной ленточкой. Я отыскала знакомый стенд и снова стала его разглядывать. На этот раз мое внимание привлекла групповая фотография. Рядом с молодым матросом, моим дедом Костей, были еще два юных морячка. Фамилия одного мне стала известна недавно: Островский. Неужели мой второй дед! Но имя и фамилия третьего, на фотографии он казался просто мальчишкой, мне были знакомы давно: Григорий Миронович Руденко. Неужели это наш военрук в техникуме! Трудно было свести воедино два портрета: открытое лицо юнги и отечную, обрюзгшую физиономию дяди Гриши, отставного капитана. Общими были только глаза: в них светилась готовность тотчас выполнить любой приказ.

Я перевела взгляд на казенную табличку, на которой убористым шрифтом давались сведения о героях, изображенных на фото. Сообщалось, что оба мои деда – Константин Кузнецов и Валерий Островский – погибли при исполнении задания в начале пятидесятых, подорвались на mine. В ту пору, спустя несколько лет после войны, Финский залив был еще опасным для судоходства местом. Григорий Руденко был ранен, но выжил. Краткая надпись под фотографией информировала, что впоследствии он дослужился до капитана первого ранга, участвовал в специальных морских операциях, был награжден орденами и медалями.

Я еле дождалась понедельника и почти бегом примчалась в техникум. Дядю Гришу я застала на кафедре. Он протирал влажной тряпочкой пыль с муляжа торпеды.

– Что, Петрова, пришла «хвосты» сдавать? – с обычной легкой усмешкой прохрипел он.

Сиплый голос военрука часто заглушался гулом нашей группы, но сейчас группы вокруг не было, я же от волнения тоже осипла:

– Григорий Миронович, я в воскресенье в Кронштадт ездила...

– И опять не выучила? – прервал он меня.

– Я обязательно выучу, но сейчас я про другое хочу спросить.

Капитан Руденко снял большие, в старомодной оправе очки и участливо посмотрел на меня.

– Григорий Миронович, я была в музее и видела вашу фотографию. Это ведь вы там с двумя матросами сняты?

Морщины на лице старого капитана внезапно разгладились, но тут же собрались в пучки лучей у глаз. Они подозрительно заблестели.

Я осторожно молчала. Дядя Гриша обстоятельно стал рассказывать об экипаже тральщика, где он начинал служить юнгой; о том, как они подорвались на mine, но он сам случайно выжил, а его друзья погибли. Все же я улучила момент, кратко обрисовала ситуацию и объяснила, зачем, собственно, я пришла.

Узнав, что оба его флотских дружка – мои деды, он укоризненно заметил:

– Ах, Катя, Катя. Такая крепкая морская косточка, такой род, и – полная безответственность.

Ни одного зачета с первого раза сдать не можешь.

Приятно, когда хвалят твою родословную, но я искала конкретного человека. Я без обиняков задала дяде Грише свой главный вопрос – где мне искать младшего Островского, моего

отца. Дядя Гриша вновь начал издалека. Сказал, что династия Островских известна в Кронштадте. Ходила байка, что сам Петр I дал одному из первостроителей главного форта на острове это прозвище. Какой-то финский рыбак, абориген этих мест с труднопроизносимым именем, славно услужил царю и был им отмечен. Однако царю было не по чину ломать свой язык, и он прозвал услужливого финна островским парнем. Позднее, когда прозвища стали заменять фамилиями, в Кронштадте уже набралась целая улица Островских.

– А двух последних Островских я самолично знал.

Со старшим Валерием, как я уже говорил, служили вместе, царство ему небесное. А младший Валерка у меня в училище курсантом был в семидесятых. Я тогда там заведовал кафедрой. Способный был парень Валерка. Возможно, сейчас флотилией командует.

– А можно узнать где?

– Это не проблема. Приходи через недельку, я по своим каналам разузнаю. Значит, говоришь, он твоим отцом оказался. Интересно. Нину, Костину дочку, я тоже хорошо помню. – Мечтательная улыбка не сходила с помолодевшего лица Руденко. – Мы все, кронштадтские, друг друга знали. Городок маленький, все на виду. Жаль, конечно, что вы потерялись с отцом. Но жизнь такая штука... Значит, ты, Петрова, тоже по морской стезе пошла? Что ж, похвально.

Только подтянуться тебе надо, чтобы род не позорить.

* * *

С нетерпением я ждала сообщений о своем отце.

Мне было приятно слышать, что у моего отца хорошие способности. Жаль, я их не унаследовала.

Хотя, может, просто растеряла. В начальных классах я ведь хорошо училась. Через несколько дней Григорий Миронович Руденко сам подошел ко мне и протянул листок с адресом. Адрес был прост: в/ч № XXXX. Номер я сразу запомнила, но, по известной причине, раскрыть не могу. Ни города, ни поселка в адресе не указывалось.

Я разочарованно выдохнула:

– А где это?

– Где – это другой вопрос. Ты пока напиши ему, а там и съездишь.

– Вы думаете, он меня пригласит?

– О приглашении не думай, – улыбнулся старый морской волк, весь ряд его зубов блестел металлическим блеском. Как многие моряки в отставке, он был толстый и добродушный. Зря мы над Руденко на уроках издевались, строили ему всякие козни. А если бы он был моим отцом? Но образ настоящего отца уже вырисовывался в моем воображении. Он был похож на молодого моряка Островского с музейного фото: русский чуб из-под бескозырки, широкая улыбка.

– Так вот, Катя, – строгим голосом сказал Руденко, – твое дело – сдать сессию нормально. Тогда ты поедешь на практику в Эстонию, на военно-морской полигон. Это и есть в/ч № XXXX.

Я обрадованно вертанулась на каблуке. Как здорово! Потом опустила голову. Места практики уже были распределены. Мне ее предстояло проходить на Адмиралтейском судостроительном заводе: глотать пыль на стапеле или задышаться в заводской конторе. Стать в один миг отличницей я не смогу. «Спецы» мне выше трояков не вытянуть, занимайся хоть круглые сутки. Я взглянула на Руденко и неуверенно сказала:

– Я могу, конечно, диамат с истматом вызубрить, да что толку. Экзамены по специальности мне хорошо не сдать.

– Диамат и мат – оружие рабочего класса, – заговорщически подмигнул мне Руденко. – Ты учи усерднее, а мы нажмем на кое-какие кнопки.

Я усмехнулась про себя. Теперь, когда Горбачев начал гнать волну на прежние порядки, и наш отставник осмелел: озвучил бородастую присказку про марксистско-ленинскую философию. Но его откровенность вселила в меня веру, что Руденко хочет мне помочь.

В конце разговора Руденко по-отечески наставительно заметил:

– Только, Катя, ты там с ребятами водочкой не увлекайся. Другим-то ничего, а ты сама должна понимать: наследственность.

Выходит, он откуда-то знал, как бесславно погибла моя мать. Может, тоже встречался с ней на стороне?

Я поджала губы и наклонила голову, посмотрев на него исподлобья. «Набычилась», как говорила бабушка.

– А что, Островский – горький пьяница? – выпалила я. Когда я нервничала или сердилась, слова слетали с моих губ, как выстрелы из пулемета. Еще не хватало его нравоучений. Слава богу, не родитель. Еще минуту назад добрый старикан показался мне сейчас мерзкой занудой.

Руденко смутился и что-то промямлил в свое оправдание:

– Нет, я не знаю. Я давно о нем сведений не имел.

«Не знаешь, и молчал бы», – остывая, подумала я. Моя мимолетная досада так же быстро улеглась, как и вспыхнула.

Руденко помог мне, как и обещал. Я тоже выложились в сессию, как могла. Даже однокурсники удивлялись, когда, я выходила с экзаменов с четверками.

По философии, как и намечала, получила «отлично».

Единственное «отлично» за все годы обучения в техникуме. В последний момент меня включили в список студентов, отъезжающих на Балтийский флот.

Всех удивила эта перестановка, но я не раскрыла ее причины. «Понимаете, я же – сирота, а студентам на морской базе будет обеспечено трехразовое питание».

Это объяснение звучало вполне убедительно. Я никому не сообщила, что еду на встречу со своим отцом.

Даже Тишка не знала моего секрета. Пожалуй, я боялась, да и сейчас боюсь, что он меня не признает своей дочерью. Писать я ему тоже не стала. Зачем писать, если и так еду. На месте все выяснится.

* * *

Бросив сигарету в уголок тамбура, я вернулась на свое место, в вагон. Усталость бессонной ночи все-таки одолела меня. К утру я задремала. Во сне я увидела молодого стройного офицера. Он был во всем черном: в черном кителе, фуражке и с трубкой во рту. Не просыпаясь, я вдруг поняла, что это мой отец Островский. Я бросилась к нему на шею, но он увернулся от меня. Затем поднес трубку ко рту, затянулся и медленно выпустил дым мне в лицо. «Иди прочь, ты мне не нужна», – сказал он хриплым, как у дяди Гриши, басом. Я задыхалась от дыма, а клубы его становились все плотнее и плотнее. Мне хотелось развеять руками дым, я неистово размахивала ими. Я должна рассмотреть его лицо! Но руки мои натыкались на твердый мундштук трубки, куда бы я их ни протянула. Колючий мундштук, как дуло ружья, держал меня на расстоянии от чужого мне отца.

* * *

– Просыпайся, Катерина. – Я почувствовала легкие толчки в шею чем-то острым.

Открыла глаза и увидела Юрку, который будил меня, нежно водя по шее концом шариковой ручки.

– Скоро Таллин, подъезжаем. И иди ополоснись, а то туалеты закроют. – Он, как всегда, говорил чуть растягивая слова.

Рядом с Юркой стояла и вытирала полотенцем свою заспанную, но уже умытую мордочку Тишка.

Я отправилась в конец коридора и пристроилась в небольшую очередь. Приснившийся сон еще больше поколебал мою уверенность,

Глава 2

Таллин мы осмотрели за два часа. Более основательное знакомство отложили на день отъезда. Старинные узкие улочки, мощенные брусчаткой, казались знакомыми: я столько раз видела их в разных фильмах. И теперь они выглядели декорациями – настолько отличались от улиц русских городов. Мы табуном прошли по центру. Высоко задирали голову, чтобы разглядеть остроконечные шпили и башенки соборов. И конечно, не пропускали ни одного магазинчика с сувенирами и бижутерией. Но я больше глазела, чем покупала: денег у меня было в обрез. Пробежав галопом по центру, мы вернулись на автовокзал и забрали вещи из камеры хранения.

Нам еще предстояло добраться до поселка, где располагалась военно-морская база.

День был в разгаре. Солнце стояло в зените, когда мы вышли из автобуса на конечной станции.

Мы оказались в маленькой – в два десятка домов – деревушке. Вывески на магазине и на почте были только на эстонском языке. Но по оформлению витрин мы догадались о назначении помещений. Нас никто не встречал, поскольку мы должны были приехать еще вчера. Юра пошел на почту, позвонить в часть и доложить о нашем прибытии. Остальные толпой ввалились в магазин, нарушив, привычную видимо, тишину. Здесь все было не так, как в русских селю с подслеповатыми окошками и бедным набором продуктов: хлеб, крупа и бычки в томате. Даже в Питере магазины были беднее, особенно скучными стали прилавки за последний год. Здешний магазин выглядел как мини-маркет из заграничного фильма: хорошо освещенный, просторный, с открытыми для покупателей стеллажами. Подходи, выбирай что надо.

Парни сразу отоварились водкой. Девчонки, сложившись, взяли вина и бутылочку знаменитого эстонского ликера. Тут же, на полках, лежали всевозможные конфитюры в невиданной упаковке: в тюбиках наподобие зубной пасты. Сладкий товар привлек внимание всех, тем более что цена тюбиков была невелика. Многие тут же раскошелились на невиданное лакомство. У меня же денег было в обрез, только на самое необходимое: мыло, зубную пасту. Да еще в Таллине я не утерпела и купила губную помаду. Такой футлярчик роскошный!

Между тем голод давал о себе знать, сладкий конфитюр почти осязаемо таял на моем языке. Я даже облизнулась, глядя на него. Мгновенно оглядевшись, я схватила два тюбика и сунула их в карман куртки. Мое движение осталось незамеченным.

Когда мы вышли из магазина, Юрка обрадовал нас, сказав, что дозвонился до дежурной части и к нам уже выслан встречающий. Но машина за вещами приедет только вечером. Было решено перетащить сумки и чемоданы в одно место, к маленькому открытому рыночку, выстроенному рядом с магазином. Мы заспорили, кому остаться, чтобы сторожить вещи. Услышав наш спор, местный житель, краснолицый эстонец с белесыми волосами, сказал:

– Не беспокойтесь, у нас тут не воруют. Видите, велосипеды у магазина без замков стоят.

Действительно, у крыльца магазина в особой стойке было оставлено несколько дорожных велосипедов. Пропустив его слова мимо ушей, мы продолжали шуметь. Задетый нашим невниманием, краснолицый буркнул под нос:

– Кроме пришлых, украсть некому.

Я покраснела, будто он обратился лично ко мне.

Остальные, кажется, и вовсе не слышали его замечания. Теперь два украденных тюбика, лежащие у меня в кармане, меня уже меньше радовали.

Мы оставили наши вещи на попечение Витюши, самого тихого мальчика в нашей группе. Бутылки с вином решили взять с собой. Сложили их в одну сумку и вручили ее безотказному силачу, моему Юрке.

Он также взял у меня и пакет с косметикой и прочей мелочью, который я собиралась нести сама.

Мы с Неждановым решили пожениться поближе к окончанию техникума. Время это было не за горами. После практики дипломное проектирование и... прощай парта! У Юры был расчет – жениться перед армией. В прошлом году военную кафедру в техникуме отменили и льготы по призыву отпали.

Теперь после защиты диплома всех мальчишек забреют. Может, Юра надеялся штампом в паспорте меня привязать покрепче. Любит он меня до умопомрачения. Он везде за мной, как нитка за иголкой. Я же только позволяю себя любить, потому что в моей груди – боль и пустота. Я решила выйти замуж из благодарности к Юрочке. Если бы не он, я бы ни за что не закончила техникум. Все четыре года он бескорыстно делал за меня курсовики, расчетные задания и оформлял лабораторные работы.

И в остальном – мы вместе. Фактически мы с Юрой уже давно мужем и женой можем считаться, хотя и живем порознь: он – со своей матерью, я – у себя дома. До Юры, еще на первом курсе, у меня были близкие отношения с его другом, но Юра проявил упорство и вытеснил соперника из моей жизни. С тех пор Нежданов стиснул меня в кольцо своей любви и заботы. Его любовь ко мне сродни болезни. Наверно, я подчинилась ее неукротимой мощи, хотя для меня всегда была важна собственная независимость. Но и это решение, стать его женой, я тоже приняла сама.

Несмотря на то что мы давно были близки с Юрой, я никогда не пользовалась его материальной поддержкой. Правда, у Юрки и возможности меня содержать не было. Он подрабатывал тренером в детской секции тяжелой атлетики, я разносила по утрам почту. Нелегко вставать в пять часов, когда будто упругий жгут тянет назад, в теплую постель.

Потом плетешься сонная по темной улице на почту. Там сортируешь письма, газеты по номерам домов и квартир. Наконец, с тяжелой сумкой снова на улицу. Дворы, подъезды, лестницы. На первую лекцию я обычно не успевала, шла ко второй – с гудящими ногами и тупой головой. Иногда, что скрывать, пропускала занятия, шла домой отсыпаться. Юрка, пользуясь полномочиями старосты, не ставил в журнале против моей фамилии «Н». Так что пропуски сходили мне с рук. Добрее Юрочки мне мужа не найти. Я поняла, особенно сейчас, после смерти бабушки, как трудно быть одной-одинешеньке на свете.

Пусть и Юрочке в армии будет полегче. Глядишь, лишний раз к жене на побывку отпустят.

А если недалеко будет служить, то и я к нему с гостинцами явлюсь. Опять же – ради законной супруги увольнительную выпишут. В общем, решение принято.

* * *

Пока мы галдели у магазина и глазели по сторонам, прошло минут сорок. Мы уже почувствовали голод. Некоторые доедали домашние припасы, взятые в дорогу. Я вытащила из кармана сладкий тюрбик, отвинтила пробку и поднесла ко рту. Желе было очень вкусным.

Вскоре откуда-то из-за угла появился велосипедист в морской форме. Он, взметнув пыль, резко затормозил у магазина и спрыгнул с велосипеда.

Вначале он показался мне знакомым. Тут же вспомнилось: да это «отец» из моего сна! Он тоже был в черном кителе, но вместо фуражки на его голове была черная пилотка. И главное – из-под нее торчал кудрявый завиток, как у моего деда Кости на старом снимке. Вдруг это и есть мой отец?! Сердце сладко замерло. Какой красивый!

Тут же я сообразила, что он не может быть моим отцом: слишком молод. Моряку едва ли было больше тридцати.

– Мичман Задорожный. Мне поручено доставить вас в часть, – деловито сообщил бывший, обращаясь ко всем сразу.

– А имя у мичмана есть? – спросила Элька, еще одна девчонка из нашей группы.

– Иван, – деревянно улыбаясь, добавил он. – Следуйте, братва, за мной. И девчата тоже, – приказал Иван. – До нашей части тут всего пять километров. Вечером машина из части приедет за продуктами и захватит ваши вещи.

Мы двинулись за мичманом по проселочной дороге. Он шел медленно, ведя за руль велосипеда.

С другой стороны велосипеда, подпрыгивая на каблуках, шла Эльвира. Она о чем-то расспрашивала мичмана. Он глухим голосом отвечал, изредка отводя руку в сторону и указывая на что-то, достойное внимание. Постепенно опрятные домики по сторонам исчезли. Теперь мы шли лесом. Он был светлый и приятный. Высокие сосны покачивались где-то в вышине, в блекло-голубом небе. Серовато-зеленый мох от корней деревьев выбегал почти на дорогу. Неожиданно небо опустилось, будто золотистые стволы сосен проткнули его. Мы подошли к морю. Небо и море были одного цвета. Тут же, недалеко от берега, нам преградил путь полосатый шлагбаум. Из будки вышел дежурный со списком нашей группы в руках. По очереди, предъявляя паспорта, мы прошли мимо дежурного, огибая перекладину шлагбаума.

Лес остался позади. Теперь слева от нас был берег моря с редкими валунами, справа – жилой городок: несколько трех – и пятиэтажных кирпичных домов.

Дома были выстроены в каре, в центре которого размещался плац для тренировок. Мы прошли мимо серого здания с большими окнами. Огромный плакат над входом славил КПСС и военно-морской флот.

– Это наш клуб, – пояснил мичман. – Тут кино крутят, вечера проводят, мероприятия разные. – И, сменив казенные интонации на хитроватые, махнул рукой в сторону:

– А вот и наше «главное» здание!

Я удивилась: «главное» здание было одноэтажным, похожим на длинный барак. Из следующих слов мичмана стало ясно, что использовал он местный флотский лексикон.

– Здесь находится столовая и камбуз. Сейчас все идем туда.

Мы вошли в столовую, где матросы в белых полотняных робах уже накрывали для нас длинный стол, застеленный голубой клеенкой. Рядом стояли крепкие стулья на железных ножках. Нам поставили кастрюли с рассольником, в тарелки суп мы разливали сами. Потом принесли плов с маленькими кусочками свиной тушенки. И наконец, на подносах компот из сухофруктов. Число стаканов было точно выверено по количеству едоков.

Почти все мальчишки отставили стаканы с компотом нетронутыми. Но Юрка, сидящий рядом со мной, выхлебал три стакана, как ни в чем не бывало. Я вопросительно посмотрела на него. В чем дело? Может, мне тоже не следует пить компот?

Юрка рассмеялся:

– Тебе ничего не грозит. Но наши ребятки боятся пить компот из матросского котла. Прослышали, что в него подсыпают усмиритель мужской энергии, чтобы матросы не отвлекались от несения боевой службы.

– А ты что же, не боишься?

– А я не боюсь, Катюша. Ведь ты со мной рядом. Твоя заводная сила любой порошок перебьет.

– Да брось, Юрка, я тебя заводить не собираюсь.

Дай хоть месяц отдохнуть.

– Что ж. Если ты решила от меня отдохнуть, компотик тем более будет полезен. – Юра придвинул четвертый стакан и залпом его выпил.

Однако большинство ребят, съев второе, встали из-за стола и направились в другой зал, где была буфетная стойка для офицеров части. Там офицеры и все желающие могли заказать себе блюда по желанию, а также выпить чашечку кофе и крепкого чая.

Спиртного в буфете не было.

После обеда нас развели по квартирам. Всех девчонок (нас было пятеро в группе) поселили в одну комнату общежития. Два десятка парней разместили в казарме, в общей комнате.

Все это время, и в столовой, и во время наших переходов от здания к зданию, я настороженно прислушивалась: не прозвучит ли где фамилия Островский. По территории по одному-двое проходили офицеры в кремовых рубашках и черных галстуках, все похожие друг на друга. У каждого на голове, несмотря на теплый день, была белая фуражка или темная пилотка. В углу двора копали какую-то траншею матросы в синих робах. У них головы были не покрыты, но стриженные наголо люди тоже казались одинаковыми. День приезда оказался сумбурным и не приблизил меня к моей цели. Мы знакомились с распорядком, принимали душ, получали на вещевом складе постельное белье и обмундирование. Нам выдали тельняшки и матросские форменки – свободные темно-синие блузы из крепкого полотна.

* * *

Собственно практика началась со следующего дня. Утром, у здания клуба, нас собрал мичман Задорожный и начал, как он сказал, развод по позициям. Он повел нас в сторону от моря. Мы шли по заросшей травой железнодорожной колее. День был такой же ясный, как и вчера. Но утренняя прохлада заставила нас надеть выданные нам накануне форменки, хотя обязанность носить форму на студентов не распространялась. В треугольном разрезе на груди у многих виднелись тельняшки, в том числе и у меня. Хотя выданная нам форма была б/у (бывшая в употреблении), мы чувствовали себя в ней нарядно одетыми. Девчонки шеголяли матросской формой с особым изяществом.

Место было безлюдное. Вовсю заливались птицы.

То и дело под ногами попадались большие черные жуки. Все они ползли поперек колеи, по шпалам.

Когда кошка перебегает дорогу, понятно – быть неприятностям. А если жук? Я почти забыла о цели своего приезда и вся отдалась созерцанию природы.

Я – горожанка, в сельской местности бываю редко. Родни в деревне нет, на туристическую путевку или на юг дикарями поехать – денег не собрать.

Так мы с Юркой и кантовались все каникулы в городе. Единственная отрада многим – в трехдневный поход по Карельскому перешейку пойти.

На всем протяжении пути я не видела брошенных бутылок, пакетов, консервных банок. Всего того, что постоянно попадалось нам в наших походах. Мне впервые пришла в голову мысль, что мы в походе тоже оставляли после себя мусор. Но обычно я вместе со всеми возмущалась, когда мы не могли найти чистого места для нашей палатки. Лес, окружающий меня сейчас, был необыкновенно чистым, потому что здесь была запретная зона и сюда не заходили случайные люди. На откосе нагло мозолили нам глаза маслята и волнушки. Но собирать их было не с руки: в общежитие мы вернемся только к вечеру.

Лес внезапно закончился. Перед нами открылся широкий луг, на одной стороне которого возвышался красивый, зеленовато-фиолетовый холм почти правильной формы. Когда мы подошли ближе, я поняла, что фиолетовый окрас ему придали заросли иван-чая, полностью покрывающие его склоны.

Я восторженно дернула Тишку за рукав: смотри, какая красота. Но Тишка, как обычно, была молчалива, отчего и мне частенько приходилось разговаривать самой с собой. Наша группа караваном тянулась по шпалам. И мы, пятеро девчонок, замыкали шествие. Голова

каравана, ведомого Задорожным, уже вплотную приблизилась к холму. Скоро подошли и мы, сбились в одну кучу. Оказалось, что в травянистом склоне холма были устроены железные ворота, задернутые пестро-зеленой маскировочной сеткой. В недрах холма размещался арсенал.

Вот так нетронутая природа!

Задорожный пояснил, что здесь находится хранилище торпед, и сейчас мы, опять предъявив часовому паспорта, по списку войдем внутрь.

Внутри красивой горы было жутковато. Пространство, похожее на туннель, освещалось тусклыми лампочками у потолка. Вдоль стен тянулись трехъярусные ряды стеллажей. В них, как на нарах, лежали длинные, отливающие холодным серебром торпеды. Я инстинктивно прижалась к Юрке, который был теперь рядом со мной.

– Не трусь, Петруша, – снисходительно сказал он, употребив мое прозвище, что делал не часто – только тогда, когда хотел подчеркнуть шуточный тон разговора. – Эти торпеды без взрывателей.

Они отдельно хранятся. Так что ничего опасного здесь нет.

Минутой позже об этом сообщил и мичман.

Мы прошествовали вдоль всего хранилища (оно было длиной метров сто) и вошли в полукруглую комнату, похожую на обычную кладовую. Здесь на металлических полках лежали какие-то патрубки, цилиндры и прочие железные штуки, которые мы все эти годы вычерчивали в техникуме. В середине помещения на просторном столе стопкой возвышались толстые истрепанные альбомы – видимо, с документацией. Их листала молодая женщина в форме.

– Здесь у нас командует старшина Светлана Колокольцева, – представил хозяйку кладовой мичман.

Еще на территории части я заметила нескольких женщин-служащих. Вчера мичман Задорожный пояснил, что это девушки-контрактницы из разных краев Союза. В береговой службе они составляли едва ли не треть личного состава.

Светлана была русоволосой девушкой лет двадцати семи. Короткие пряди ее волос были зачесаны за уши и убраны под кокетливо сдвинутую набок пилотку. Военная форма – темная юбка, китель и черный галстук у ворота кремовой рубашки – придавала ей строгий, даже суровый вид. Старшина Колокольцева была не улыбочива и смотрела на нас настороженно.

– Колокольцева, привел тебе помощников. Отбирай людей, – отчеканил мичман.

Светлана хмуро окинула нас взглядом и уставилась на меня. Я резво выхватила из кармана вельветовых джинсов пачку сигарет и сунула сигарку в зубы. Затем прищурилась и, посаывая сигаретку, сделала вид, что достаю зажигалку. Оставаться в этом мрачном месте, да еще с такой мымой, желания не было.

– Здесь курить запрещено! – почти взвизгнула старшина Колокольцева, опешив от моей наглости.

Мой маневр достиг цели: я отпугнула своим видом начальницу этого помещения. Ясно, что такая практикантка была ей ни к чему. Я послушно вынула сигарету изо рта и убрала ее назад, в пачку.

Тишка, несмотря на свой скромный вид, тоже не приглянулась Светлане. Верно, из-за своей невзрачной внешности показалась мало сообразительной. Колокольцева отобрала двух девочек из нашей пятерки и сообщила им, что они будут проводить инвентаризацию этого арсенала. Она похлопала по толстым альбому, сказав, что по ним надо сверять наличие боекомплекта. Я еще раз похвалила себя за сообразительность, избавившую меня от нудной работы. Слово-то какое: инвентаризация. И это называется морская романтика!

Во время нашего шествия по объектам решались сразу две задачи. Во-первых, получалась обзорная экскурсия по части. Во-вторых, нас расставляли по рабочим местам. Хотя при

таком комбинированном подходе некоторые практиканты лишались части впечатлений. Но тратить на студентов много времени начальство не собиралось.

После того как наш караван уменьшился на две единицы, мы отправились в обратный путь. Мы снова вернулись в светлый праздничный мир. Но поросшая иван-чаем и травой гора уже не казалась прекрасной. Зловещая начинка холма не забывалась. Мы снова шли по шпалам заросшей колеи.

Некоторые все же отступали шаг-другой в сторону от рельсов, срывая маслята и подосиновики. Вечером мы будем праздновать начало практики, и грибы пойдут на жаркое.

Скоро мы вышли к морю и остановились у пирса. Здесь, цепляясь тросами за кнехты, швартовались небольшие катера и суденышки. Они безмятежно покачивались на прибрежных волнах. Вдали, на рейде, виднелись большие корабли, а чуть в стороне, высунув из воды спину, чернела подводная лодка.

От пирса навстречу нам шел офицер. Опять екнуло в груди: он, не он?

Он представился, я тотчас забыла его фамилию, как привычно забывала все ненужное. Он обращался только к парням. Сказал, что ему нужны сильные ребята для такелажных работ. «На несколько дней, – уточнил он, – для установки спецустройств в акватории». Я подтолкнула Юрку, он, как обычно, спал на ходу. Благодаря моей реакции Нежданов вместе с еще одним парнем попал в элитную группу, на корабль. Ребята должны были находиться на эсминце круглые сутки, чередуя вахты с отдыхом. Юрка был в восторге. Он поцеловал меня в щеку и отправился за офицером.

Задорожный повел похудевший караван дальше.

Мы подошли к трехэтажному зданию из светлого кирпича, стоящему прямо на берегу моря.

– Это наше научно-исследовательское подразделение, – сказал Задорожный. – Тут находится диспетчерский пульт проведения испытаний и лаборатории. Можете высказывать свои пожелания, где хотите работать. Постараемся учесть.

Кто-то сразу назвал профильные дисциплины, с которыми хотел бы ознакомиться на практике, но остальные помалкивали, не представляя толком, что их ждет.

– А вы не знаете, где работает офицер Островский? – решившись, спросила я.

– Валерий Валерьевич? Как же, прекрасно знаю, это мой начальник. Вы хотите к нему, в акустическую лабораторию? С удовольствием возьмем симпатичных девчат!

Мои подружки посмотрели на меня с удивлением и уважением: когда это я успела разведать фамилии местных начальников?

Задорожный подвел нас к вахте. У нас еще раз спросили паспорта, проверили по списку и, наконец, пропустили по одному через турникет.

Мы прошли внутрь здания и поднялись на второй этаж. В длинный коридор выходило множество железных дверей. На каждой был установлен цифровой замок. У одной двери мичман остановился и набрал пальцами известный ему код. Дверь подалась, и мы вошли в просторную комнату. Часть ее занимала какая-то аппаратура, часть – обычные канцелярские столы, всего три. За одним из столов, спиной к двери, сидел офицер.

– Это и есть акустическая лаборатория кавторанга Островского, – сообщил Иван, – кто тут желал бросить якорь?

Я, Тишка и Элька следом выступили вперед.

Офицер, сидевший за столом, встал, слегка улыбнулся и шагнул нам навстречу. Был он низенький и плотный. Кожа его мясистой шеи нависала складкой над тугим воротничком форменной рубашки.

Взгляд его, какой-то бегающий, опасливый, был неуловим.

Вот, значит, каков мой отец. По сравнению с рослым стройным Задорожным он казался просто пеньком. Голос крови молчал. Я не чувствовала ни радости, ни тяготения к этому человеку. Безразличие и тоска сковали меня.

– Товарищ капитан третьего ранга, привел к нам рабочую силу, – доложил хозяину комнаты Задорожный.

Глаза низенького офицера перестали метаться и загорелись неопределенным светом.

– Значит, девчата рвутся в бой. – Офицер пожевал губами. – А что, ребята не желают к нам?

Парни загомонили, что тоже не против, но я громко задала свой главный вопрос, перекрывая шум.

– Вы капитан Островский? – выступила я.

– Нет, – удивленно отозвался офицер. – Кавторанг Островский в командировке. Извините, не представился: капитан третьего ранга Серов Анатолий Сергеевич.

Непонятная тоска, минуто назад охватившая меня, тотчас отпустила. Этот пузатик совсем не страшен, даже приятен. Но как хорошо, что он не мой отец. Однако мне было необходимо остаться здесь, и я пустила в ход все свое обаяние. Слегка откинув голову, я опять прищурила глаза, но теперь завораживающе и соблазнительно. И, глядя на капитана Серова, очаровательно улыбнулась. «Тебе бы в театре играть», – иногда говорил Юрка, наблюдая мои репризы. Серов тотчас расплылся в ответной улыбке, выпятил грудь. Он даже как будто стал выше ростом.

– Ладно, девушки, оставайтесь. Но имейте в виду, работка у нас тут серьезная.

* * *

Мичман повел оставшихся ребят в другие отделы, сказав на ходу, что скоро вернется.

– Что ж, девчата, давайте знакомиться, – продолжая улыбаться, сказал капитан Серов, – начнем с кудрявой. – Он прямо трепыхался на моем крючке.

– Катя Петрова, – назвалась я, вновь вернув себе привычное, чуть насмешливое выражение лица.

– Эльвира Попова.

– Оксана Тихонова.

– Так, девочки. А теперь вам надо разделить: одна – на магнитофон, вторая – на анализатор, третья – чертить графики. – Серов тоже заговорил деловым тоном.

– Я – на магнитофон!

Я ненавидела черчение, анализаторов не знала, но под магнитофон отплясывала все время, находясь дома. Магнитофон я знала прилично.

Элька недовольно дернула плечом, видно, тоже целилась на магнитофон, и выпалила:

– Тогда я – на анализатор.

Тишке досталась чертежная работа.

Потом Серов развел нас по штатным, как он сказал, постам и начал объяснять наши обязанности. Я трижды пожалела, что вызвалась работать с магнитофонами. Все оказалось не так просто. Зато Элька сидела у маленького зеленого экранчика анализатора, по которому прыгали желтоватые столбики спектральных уровней, и снимала показания. Эти показания – обычные цифры, которые высвечивались в маленьком окошке в верхнем углу экрана. Там и дураку было нечего делать: смотри и списывай цифры в журнал.

У меня же голова шла кругом. Мне надо было управляться с двумя студийными магнитофонами.

Один – огромный, как кухонный стол, – стоял на полу. И магнитные бобины крутились на его горизонтальной поверхности. Другой – поменьше, с настольные часы, – стоял на особом

стеллаже. Но вместо циферблата на этих «часах» крутилась магнитная лента. Объясняя мне порядок действий, Серов то невзначай прикасался к моей руке, то скользил пальцами по бедру. Высокая стойка с приборами закрывала нас от остальных присутствующих. Я чувствовала, что вляпалась в историю, и всячески отстранялась от офицера. Но первоначальный аванс, кинутый мною Серову, им не был забыт.

Он уже трижды объяснил мне, на какие кнопки нажимать. Но я не могла запомнить последовательности действий. Надо было запустить большой магнитофон, потом каким-то образом уменьшить скорость вращения ленты, «транспонировать». Затем включить магнитофон поменьше. И сигнал с него через кабели перегнать Эльке на анализатор. Одним словом, дурдом. Да, это не три клавиши в домашнем магнитофоне. Я запустила пальцы в свои кудри и почесала за ухом. Я вообще со сложной техникой не в ладах, а тут еще нервное напряжение, вызванное поисками отца. Все же я кивнула, что поняла, только чтобы скорее избавиться от своего наставника и его назойливых знаков внимания.

Он оставил меня с магнитофонами и присел за стол к Тишке.

– Оксана, пожалуйста, – сказал он ей совсем другим, вежливо-официальным тоном, – вспомни логарифмическую шкалу.

Серов взял лист оранжевой, мелко разлинованной миллиметровки и прочертил карандашом сетку координат.

– Берешь табличку, которую составит тебе Эля, и переносишь с нее значения на график. Потом соединяешь эти точки. Вот так. Все очень просто.

«Черт возьми. Действительно, у них у всех очень просто. Даже графики чертить проще, чем управлять моими магнитофонами». Я решительно нажала большую зеленую кнопку. Тут же раздалось какое-то шуршание, свист, будто «пестрая лента» из детектива Конан Доила скользнула между проводов. Вращение бобин прекратилось. Хвост оборванной магнитной ленты извивался перед моими глазами.

Серов быстро подбежал ко мне и по-свойски взял за руку.

– Что же, Катенька, ты так невнимательна. Я же объяснил: вначале – кнопка «стоп», потом – транспонирование.

Я в раздражении переминалась с ноги на ногу, не глядя на него. К черту. Надо рассеять заблуждение офицера, чтобы отделаться от его приставаний. Но теперь я не знала, как дать задний ход. Я демонстративно выдернула свою руку и скрестила руки на груди. Затем до неприличия грубо выпалила:

– Надо было лучше объяснять!

Он явно испытал замешательство от неожиданной перемены моего тона и тоже стал жестче.

– Хорошо, Петрова, смотри сюда, – глухо приказал он, привлекая мое внимание к приборам.

Я посмотрела не на кнопки, а на Серова. Я увидела злобный блеск в его глазах. На лбу его выступила легкая испарина, кожа порозовела. Он был в ярости. Я поняла, что нажила себе непримиримого врага. Получилось, что я раззадорила быка и исчезла с арены. Капитан, играя желваками, менялся на глазах. Он с силой разомкнул мои скрещенные на груди руки, ухватил мой указательный палец, подвел его к красной кнопке и ткнул в нее.

– Сюда жми, Петрова. Запомнила?

Я запомнила лишь липкость его ладони. Что ж, сама виновата. Шутки, уместные с мальчишками, здесь были не в ходу. Все воспринималось всерьез.

Я вспомнила Юркино объяснение про компот, умиряющий пыл матросов. Кажется, этому офицеру тоже не мешало бы выпить такого компотика. Нет, я не для того напросилась в эту лабораторию, чтобы иметь личные заморочки. Мне главное – с отцом познакомиться. Жаль, что его не оказалось на месте.

Серов тем временем достал специальный клей и велел мне смотреть, как устраняют разрыв ленты.

Но эту процедуру я знала прекрасно. У Юрки дома есть такой старый катушечный магнитофон, и мы вместе иногда переписывали с пленки на кассету старые песни битлов.

– Сама знаю, – угрюмо отозвалась я, – давайте склею.

Злоба на Серова немного стихла. Я небрежно встряхнула кудрями (все говорят, что такой красоты ни у кого нет) и взяла пинцет и клей. Я соединила и склеила края разорванной пленки. К счастью, пленка не «зажевалась». Серов наблюдал, как я устраняла дефект. Затем, в его присутствии, я еще раз включила нужные режимы, и он от меня отошел. Я вздохнула. Мне было ясно, что наши отношения не будут простыми. Он не забудет своего поражения.

Мы работали до обеда. Я вполне сносно управлялась со своим хозяйством. Отправляясь на обеденный перерыв, мы обратились к Серову с просьбой отпустить нас после обеда на волю.

На его замечание, что нам положено работать весь день, Эля беззаботно заявила, что сегодня мы отмечаем приезд всей группой и должны готовиться к пирушке. Тишка тотчас деликатно пообещала, что завтра мы обязательно отработаем свой долг и, если нужно, сможем задержаться.

Он развел руками – мол, что с вами поделаешь.

– Идите, но завтра с утра прошу не опаздывать, девчонки. А то знаю я вас – загуляете и будете спать до обеда. – Серов шутливо пригрозил своим коротким пальцем. Он уже вернул себе достойное равновесие духа.

В дверях мы столкнулись с мичманом. Тот уже распределил всех ребят по рабочим местам и возвращался в свою лабораторию. Элька тотчас находчиво пригласила его на наше празднование.

– Конечно, мы с капитаном с удовольствием присоединимся к вам, девчата.

Мы с неловкостью переглянулись. Низенького пожилого офицера мы в расчет не брали. Да он и сам, наверное, не пойдет. Но Серов радостно потер руки и тоже пообещал прийти.

* * *

Мы возвращались в общежитие по песчаной, петляющей вдоль побережья дорожке. На языке у всех вертелось только одно имя – мичман Задорожный.

– Какой красавчик! – Эльвира восхищенно закатила глаза к небу и задумалась.

Я знала, о чем она думает, – женат ли он, есть ли у него девушка. Эльвира мечтала выйти замуж за моряка: ее отец тоже когда-то служил на флоте и много рассказывал ей о романтике флотского быта.

Эльвира считала себя неотразимой. Она, как и я, была высокая, длинноногая. Ее прямые шелковистые волосы спадали до середины спины. Цвет волос она все время меняла. В этом сезоне она была блондинкой. Однако ногами наше сходство и ограничивалось. В остальном мы были полной противоположностью. Во-первых, Эльвира Попова была нашей единственной круглой отличницей. Даже у Тишки случались четверки. Во-вторых, она закончила музыкальную школу и любила рассуждать об искусстве. Умная, красивая, но холодная. Эта холодность и надменность часто отпугивали парней.

Едва завязав знакомство, они часто оставляли ее.

Поэтому, несмотря на надменный вид, Элька была неуверена в себе и даже признавалась нам, что боится остаться старой девой.

На восхищенное заявление Эльвиры Тишка отозвалась спокойно:

– Подумаешь, красавчик. Просто балаболка. Никакой индивидуальности. Девочки, а вы заметили, какой интеллигентный человек наш руководитель Анатолий Сергеевич? По-моему,

настоящий флотский офицер: безупречно одет, объясняет четко, понятно. И к нам, студенткам, относится с уважением!

И глаза у него изумительные: благородные, честные, со стальным блеском.

Понятно, с прыщавой Тишкой Серов обращался как джентльмен, а что со мной позволял? Да и какой он руководитель? Начальник там – Островский, мой отец. Скорее бы увидеть его. Теперь мне было уже не важно, какой он обладал внешностью: был ли красавчиком вроде Задорожного или пеньком, как Серов. Я уже перегорела и готова была принять в свое сердце любого, лишь бы он принял меня. Опутанная своими мыслями, я почти не принимала участия в разговоре.

Тишка была бескорыстна в своих восхищенных отзывах о Серове. Она давно знала о том, что она дурнушка и рассчитывать ей не на что. Но казалось, мы разговаривали о разных людях. Эльке, как и мне, глазки Серова показались масляными. Тишка говорит – стальные. Да, Тишка – мечтательница. В крокодиле принца увидела.

– А ты что молчишь? Кто тебе больше понравился – Задорожный или Серов? – дернула меня за рукав Элька.

– Оба выпендриваются, каждый – в своем роде! – подзадорила я своих подруг.

Они снова вступили в спор.

– Ничего вы не понимаете, – поставила точку в своей защитной речи в пользу мичмана Элька. – Иванушка – вдумчивый человек и скромный.

С ее легкой руки мы стали звать Задорожного Иванушкой, а затем постепенно сократили до Ивашки.

* * *

Минуя общежитие, мы проследовали в столовую.

Меню было такое же, как вчера: рассольник и жирный плов с тушенкой. Зато кормили нас бесплатно.

* * *

Неожиданно наша пирушка распалась на части.

Юрка с однокурсником оставались на эсминце. Остальные парни сговорились устроить грандиозный мальчишник (девчонок все равно на всех не хватало). Я видела в магазине, каким количеством водки они запаслись, и не удивилась их решению. Парни устроили пьянку у себя в кубрике. К нашей пятерке девчонок примкнул только Витюша – тот, что оставался сторожить наши вещи в поселке. Витю-: ша, я уже говорила, был любитель выпить, но он, как и я, не пил водку. Поэтому присоединился к девчоночьей компании. Мы свободно размещались в нашей комнатке, сидя на двух кроватях. Принесенные из кухни табуретки заменили нам стол. Но закуску еще требовалось приготовить. Этим пришлось заняться мне. Остальные, живя дома на всем готовом, стряпать не умели. Они только почистили собранные утром грибы.

На кухне стояли три газовые плиты на все общежитие и огромный разделочный стол в центре. Тут же хозяйничала и Светлана Колокольцева, старшина. Сейчас она была без формы, в простом ситцевом халатике. И было видно, что фигурка у нее что надо, все на месте. Особенно выделялась круглая тугая попка. Но она как-то чересчур выпячивалась назад. Наши девочки – те, что проходили практику у нее в арсенале, – пригласили Свету на нашу вечеринку. Она оказалась совсем не злой девахой.

Сама нас побаивалась, оттого и принимала суровый вид. Но присоединиться к нашему сабантую отказалась. Мы не настаивали. Светлана одолжила нам большую сковороду, и мы, выгрузив на нее высокую горку мелко нарезанных грибов, поставили ее на огонь. Собственно,

грибы были единственным нашим горячим блюдом. Но вообще-то мы были не голодны. Неудобство было в другом: нам не хватало ребят. Мы, привыкнув вращаться в мужской компании, почувствовали себя как-то странно. Получался девичий праздник. Что ж, почешем языки.

Витюшу давно никто из нас не стеснялся.

Вечер мы начали красиво, с бутылки эстонского ликера «Старый Таллин». Хотя темный тягучий напиток был забористо крепок, вкус его был восхитителен. К тому же ликер сразу притупил наши ощущения, и дешевый портвейн, налитый в стаканы после, уже не казался таким противным. Стакан портвейна, мешаясь в желудке с ликером, вмиг закружил голову, поднял теплую волну в груди. Сейчас бы хорошего парня. «Хороший парень» Юра был вдалеке, в море. Зато неожиданно полез целоваться Витюша, который косел мгновенно. Я без труда отпихнула соседа, его слюнявые губы скользнули по моей щеке и уткнулись в шею. Прошло еще какое-то время, Витюша выбрался из-за стола и, покачиваясь, вышел из комнаты. Все пьянки для него заканчивались одинаково: зеленое лицо, дрожащие руки и горечь во рту. Не умеешь пить – не пей. Но он был неисправим. Я, например, знаю, что у меня наследственная предрасположенность к алкоголю, и контролирую себя. Я выпила еще чуть-чуть и поставила стакан. Кажется, хватит. Вот он, трудноуловимый момент, когда надо притормозить. Пропустишь его – считай, пропала. На младших курсах я иногда перебирала, но теперь имею опыт, слежу за собой.

Я придвинулась к Тишке и обняла ее.

– Ты чего не допила свой портвейн? – заметила я и поднесла стакан к ее губам.

Тишка послушно перехватила стакан и маленькими глоточками выцедила до дна. Прыщики на ее лбу стали еще краснее. А маленькие глазки заблестели живыми огоньками. Она была сейчас без очков. И ее близорукие глаза – то ли от выпитого вина, то ли от природного дефекта – немного косили.

– Нет, ты слушай, – теперь она клонила к моему уху, – Анатолий Сергеевич – просто душка. Я без ума от него. Знаешь, как он вкусно пахнет? – Разгоряченная вином, Тишка потеряла привычную сдержанность.

Вот еще новости! Она что, запала на этого пенька. Элька тоже вернулась к дневному разговору:

– А вы заметили, девчонки, какой бугорок в штанах у Ивана вздымается?

– Ну, Эльвира, скажешь, – усмехнулась я. – Как ты могла в его форменных брюках разглядеть какой-то бугорок. Он же не в джинсах.

В этот момент в полуоткрытую дверь комнаты вошли двое – Иван Задорожный и Анатолий Сергеевич. У обоих в руках были бутылки.

– Входите, входите, – привстала Эльвира со своего места. – А мы вас ждем!

Мы потеснились, освобождая места для новых участников вечеринки. Серов плюхнулся на мою койку, разбив нашу с Тишей пару. Задорожный сел напротив, рядом с Эльвирой и еще двумя девочками.

Задорожный и Серов пришли в штатском. На каждом был приличный спортивный костюм – своеобразная мода, бытовавшая в части.

Без формы оба казались моложе. Даже старый Серов. Возможно, он был и не очень старым. Может, ему было лет тридцать пять. Просто полнота придавала ему солидности. Вошедшим налили штрафную, пришлось плеснуть и себе. Эльвира предложила тост за союз мореходов и кораблестроителей. Она умела говорить красиво. Серов подал нам с Тишкой наполненные вином стаканы. Улыбнулся обоим. Казалось, он не держал на меня обиду. Я знала, что мне не надо больше пить, но в данной ситуации пропустить тост было неудобно. Отказываться и обращать на себя внимание не хотелось. А когда мои губы оказались у самого края стакана, темно-вишневая терпкая жидкость сама выплеснулась мне в рот.

Застолье продолжалось. Все вокруг было в каком-то тумане. Из общего гула вырывались отдельные бессмысленные слова. Снова рука Серова подливала в мой стакан вино, но я уже больше не противилась этому. Я будто плыла в глубоких водах океана, глупая и беспечная.

Напротив меня Элька с Иваном вели какой-то свехумный разговор.

– Вы любите Чайковского? – Вдруг целая фраза дошла до моего сознания – и снова провал.

Но, раз вынырнув на поверхность, я сделала над собой усилие и снова овладела собой. Я решительно оттолкнула руку Серова, змеей проскользнувшую мне под тусы.

– Проверял, не боишься ли ты щекотки, – не смущаясь, шепнул он мне.

Знакомое с детства предвосхищение игры в щекотливого котика отозвалось болью в низу живота.

Еле удерживая готовый раскрыться мочевоу пузырь, я выскочила из-за стола и сиганула в коридор. Серов вышел следом, но я торопливо семенила к туалету. На повороте меня резко швырнуло к стенке.

Но я помнила, что за мной идет Серов, сконцентрировалась и сосредоточенно ровно вошла в нужную дверь.

Когда я обрела спасительное облегчение, моя голова немного прояснилась. Я отвернула кран и плеснула несколько пригоршней холодной воды себе в лицо. Голова перестала кружиться, но я поняла, что я пьяна. Протрезветь мгновенно было невозможно, но избавиться от Серова было необходимо прямо сейчас. Я осторожно выглянула из-за двери туалета. Серов уже поджидал меня. В конце коридора, у окна курил Задорожный. Качаясь, я вышла из туалета, чуть не упав на Серова. Он хотел подхватить меня, но я увернулась, оттолкнулась от стенки и почти кувырком помчалась к Задорожному. Повиснув у него на шее и прижимаясь губами к его уху, я прошептала:

– Ванечка, уведи меня куда-нибудь, умоляю.

Быстро оправившись от удивления, он громко произнес:

– Пойдем, Катюша, погуляем на берегу.

Его сильный командирский голос ударил по моим барабанным перепонкам. На миг в проеме комнаты мелькнула обиженная физиономия Эльвиры. Откуда мне было знать, что лишь минуту назад Элька отказалась уйти с Иваном, потому что он прижал ее в коридоре?

Иван положил мою руку к себе на плечо и поволок вниз по лестнице. Я лишь с трудом передвигала ноги. На улице было свежо. Приятный морской ветер освежил меня, придал силы. Я больше не падала. Но теперь я почувствовала ночную прохладу, озноб прошел по всему телу. На мне была короткая юбочка и майка без рукавов.

– Да ты вся дрожишь! – заметил Иван.

Он достал из внутреннего кармана куртки металлическую флягу и отвинтил крышку.

– На, хлебни.

При этом бережно накинул мне куртку на плечи.

Я сделала несколько жадных глотков из фляги. Потом мы бродили по лесным дорожкам, петляющим вокруг городка. О чем-то болтали, снова пили и пели.

Иван зажимал мне рот, говоря, что в части шуметь не положено. Я трясла головой и звонко хохотала. В тот вечер я перестала быть собой. Я совершенно потеряла все человеческое. Я стала сгустком чувств и ощущений: холод, жажда, естественные отправления – вот что осталось от меня. Все происходило как во сне.

Иван, держа меня за руку, повел в темноту пляжа.

Рядом слышался плеск невидимых волн, но граница берега и моря различалась с трудом. Только луч прожектора прочерчивал бегущие полосы по песку, по камням, но вновь темнота затушевывала их. Иван увлек меня в прибрежный кустарник. Свет не проникал сюда. Луч распадался, спотыкаясь о листья. Пучок искрящихся частичек света слепил глаза. Мир

вокруг плясал с бешеной силой. Сумасшедшие скачки продолжились на сухом тростнике, ковром выстланном на песке.

– Не надо, Ваня, не надо, – слабо сопротивлялась я. Хотя почему не надо, я уже не понимала.

Мы были обращены лицом к лицу, будто находились на качелях, только вместо доски подо мной были его костлявые бедра, которые я крепко обхватила своими пятками. Я чувствовала наготу его и своего тела и тот цепкий шуруп, который нас сейчас скреплял. Иван подбрасывал меня, выгибая живот и чуть откинувшись назад. Я тоже опрокинулась на спину. Дьявольские качели – вверх-вниз, вверх-вниз – уносили меня в темноту неба.

Мои пальцы проваливались во влажный песок.

Я, как гимнастка, изгибалась в «мостик» при каждом движении волшебного ствола, постанывая от боли и наслаждения. Наконец, мои прерывистые стоны слились в непрерывный протяжный звук.

Я долго не могла прийти в себя после пережитого блаженства. Опыянение телесным наслаждением вытеснило хмель от вина и занесло меня на невиданную вершину! Но теперь я катилась назад, в темное ущелье непереносимого унижения. Ледяной сквозняк совести пронизывал мою душу. Обмякшая плоть Ивана источала слизь, стекающую под мои ягодички. Я закрыла глаза, и мне казалось, что я тону в этой слизи, как в грязном, мутном пруду.

В этот момент я неожиданно отключилась. То ли заснула, то ли потеряла сознание.

Но спать Иван мне не дал:

– Вставай, замерзнешь. Пойдем в общежитие, я тебя провожу.

Сильная боль раскалывала мою голову. Тупой стыд застыл в груди. Но рядом с ним бушевала ярость, и я обрушила ее на Ивана:

– Что, воспользовался моим состоянием и затащил меня на пляж?

– Катя, зачем так говорить? Ты же сама, можно сказать, увлекла меня. Сама напросилась.

– Напросилась? – Я резко вскочила и беспомощно ткнула Ивана кулаком в грудь. – Подлец!

Отлетающий хмель на глазах превращался в злобное похмелье. Я помнила это состояние у матери. И вот теперь сама... Я же знаю, что мне нельзя пить, что я не могу остановиться в нужный момент. И вот сорвалась. Три года держалась. Злоба и бессилие душили меня.

– Да на фиг ты мне нужен. У меня есть парень.

И не думай язык распускать. Кому скажешь, что я была с тобой, глаза выпарапаю.

Я нервно и торопливо натянула трусы, связав порванную резинку. Оправила Юбку, продолжая осыпать Ивана упреками.

– Катя, ты что как с цепи сорвалась. Я не привык языком трепать. Я думал, что нам обоим хорошо. Ладно, не будем ссориться. И вообще – извини. Я, кажется, был пьян.

Иван накинул свою куртку мне на плечи, и мы пошли к поселку. Постепенно я остыла, В самом деле, набросилась на парня, а он тут совсем ни при чем. Я припоминала нашу вечеринку. Это Серов отыгрывался за свое поражение. Решил меня spoить и взять силой. Иван случайно под руку подвернулся. Вот странно, он же, вначале был с Элькой.

Несмотря на свой позор, я испытывала легкое удовлетворение оттого, что не далась Серову. Хотя хрен редьки не слаще, как говорила моя бабушка. Мы прошли окольными путями к нашему общежитию. У подъезда Иван взял свою куртку и пошел к соседнему зданию, в общежитие сверхсрочников.

Я на цыпочках пробралась к нам в комнату.

Девчонки спали на своих кроватях. Душный, спертый воздух, наполненный запахом перегара, вызвал у меня приступ тошноты. Обьедки на грязном, неубранном столе были тоже отвратительны. Я, стараясь не шуметь, достала из шкафа куртку и джинсы, тихо переоделась и вышла из душевой комнаты.

Снова обошла здание общежития и вышла к заливу. Короткая северная ночь уже таяла над поверхностью воды. Прожектор выключили, но теперь и без него был виден каждый камень. Скинув одежду, я, поеживаясь, вошла в воду. Ноги подворачивались на скользких от тины камнях, едва просвечивающих под водой. Добраться до глубины было нелегко. Наконец чистая вода покрыла мое тело, и я поплыла, широко взмахивая руками.

Когда я вышла из воды, померкший было для меня мир вновь стал прозрачным и звенящим. Ко мне снова вернулась уверенность, что все образуется, что я одолею тяжкое наследство, оставленное мне матерью. И отец, замечательный мужественный капитан, обязательно поможет мне выстоять.

Глава 3

Несколько последующих дней я пребывала в напряжении, опасаясь повышенного внимания со стороны Задорожного или Серова. Но тот и другой вели себя пристойно. Я тоже не давала им повода для легкомысленных разговоров. А вскоре вернулся на базу Юра: закончились вспомогательные работы в акватории. Корабль ушел в нейтральные воды, но студентов отправили на берег. Теперь Юра все свободное время проводил со мной, и это видели мои возможные преследователи. Я была ласкова с Юрой, стараясь загладить свою вину перед ним. Юра же в мыслях был еще там, в море, на борту эсминца. Он вспоминал разные эпизоды из своей кратковременной жизни среди моряков и особенно восторженно отзывался о моем отце. Оказывается, капитан второго ранга Островский руководил испытаниями аппаратуры и работами в акватории.

Так что я познакомилась с Островским заочно, прежде чем увидела его. Помню наш первый с Юрой вечер после его возвращения с корабля. Мы гуляли вдоль берега, а Юра, не переставая, говорил о море и об Островском. К сожалению, его рассказы кренились в сторону техники. Юра со знанием дела рассуждал о пройденных милях, о кабельтовых разгонах судна, о влиянии поперечной волны и других деталях судовождения. И выходило так, что при любых погодных условиях Островский отыскивал то единственное решение, которое давало наилучший результат. Мне же хотелось побольше узнать о своем отце как о человеке. Замечу, что я по-прежнему не призналась Юрке, самому близкому другу, в том, что я – дочь капитана, которым он восхищался.

У меня все еще не было уверенности, что тот меня признает. Я терпеливо выслушала Юркины рассказы о работе в море и задала вопрос: «А как выглядит твой Островский?» Вопрос озадачил Юрия. Как и другие парни, Юра не смог описать внешний вид человека, который ему понравился. Он замялся, пожал плечами и неуверенно ответил, что выглядит Островский обычно: «Ну, какой-то такой, обыкновенный. Чуть повыше меня. Волосы, кажется, русые или нет, совсем светлые. А, вспомнил. Выражение лица у него странное: вид серьезный, а взгляд мечтательный. Он всегда будто за горизонт глядит».

Слова про лицо мне запомнились. А Юрка продолжал: «Тебе здорово повезло, что ты в его лабораторию попала. С ним интересно работать. – И тут же сник. – А меня теперь в строительный отряд перебросили, траншеи копать». Потом Юра замолкал и начал молча расстегивать мне джинсы, благо место у опрокинутой лодки на берегу было пустынно. Но я уклонилась от близости: я все еще чувствовала себя нечистой. Поцеловав Юру, решительно отстранилась от него. Он понял, что у меня нет настроения, и настаивать не стал. Юра никогда не был со мною груб. Может, мне следовало ему во всем признаться, но это было выше моих сил.

Вечерами мы гуляли с Юрой, а днем я нередко загорала на пляже одна, пропуская часы работы.

Ходить на практику ежедневно, общаться с руководителем, с которым установились напряженные отношения, было неприятно. Я не думала о последствиях. Вернее, старалась не думать. С утра я уходила подальше от пристани и пристраивалась на диком пляже за каким-нибудь камнем. У меня бывают два вида настроения: или я бросаюсь в вихрь дискотек, вечеринок и других групповых развлечений, или избегаю людей, стремлюсь к одиночеству.

Сейчас меня охватила меланхолия, как говорили в старину, или попросту тоска.

Остальные студенты нашей группы отлично совмещали работу с отдыхом. Одни после работы перекидывались мячом на волейбольной площадке с матросами. Другие кидались в омут любовных приключений. Гуляя с Юрой вечером по заливу, мы сталкивались с другими парами. Особенно часто мы встречали Ивана Задорожного и Эльвиру. Похоже, я своим диким поступком подтолкнула их друг к другу. При встрече мы с Иваном, как по команде, отводили

глаза в разные стороны. Но наши спутники не замечали этого. Элька, наконец, завладела мичманом, и он, похоже, был этим доволен. Но гуляли они очень целомудренно, на небольшом отдалении друг от друга. Если бы я хорошо не знала об Элькиных похождениях в техникуме, то могла бы подумать, что это школьница, впервые вышедшая погулять без мамы. Пожалуй, они подходят друг другу: лисы в овечьей шкуре. Затем мои мысли перенеслись к Тишке. Вот человек, у которого все чувства – светлые, а помыслы – чистые. С первых дней практики она влюбилась в нашего начальника Анатолия Серова. Того самого Серова, который так недвусмысленно лапал меня в первый день практики, а затем напоил на вечеринке. Тишка выражала свою любовь старым школьным способом.

Она старалась привлечь внимание капитана тщательным вычерчиванием графиков. Серов заметил усердие невзрачной практикантки. Иногда просил ее остаться, выполнить для него какие-то дополнительные расчеты. Тишка и в техникуме усиленно зубрила предметы тех преподавателей, которые ей нравились. И тут взяла на вооружение научно-технический труд. Больно смотреть на нее. Она не понимает, что мужикам от нас нужно совсем другое.

* * *

В общежитии до полуночи студенты резались в карты. В этих играх (иногда мы играли в дурака, иногда – в очко) и я принимала участие, хотя обычно продувалась. Но скверных последствий это не имело. Мы играли не на деньги, а на всякую чушь: поцелуи, пролезание под кроватью или стирку. Раз я проиграла Юре и целый час терла в тазике его джинсы. Обычно бытовые вопросы он решает сам: мама приучила.

В тот вечер Светлана Колоколыцева была на кухне.

Она только вначале показалась злыдней, а теперь мы с ней почти сдружились. И вообще, в халатике она выглядела совсем просто, не то что в обмундировании. Тут я ее и спросила, что заставило ее пойти на службу. Бедность, что ли?

Она ухмыльнулась и сказала:

– Так, по глупости.

Но все же я выпытала, что Светлана – из Ивановской области. У родителей там имелось крепкое хозяйство. А Светлана в Иванове подалась на текстильную фабрику. Однажды, рассказывает, приехал к ним на фабрику морской офицер, а может, мичман, она тогда в званиях не разбиралась. Собрал всех девушек в клубе и стал агитировать на контракт. И все напирал, что женихов в части – пруд пруди. Туфли нарядные, говорит, девчата, не забудьте в чемодан положить. У нас танцы в клубе каждое воскресенье, невест не хватает. Приехали.

И что же? Одни матросы-малолетки. Ей-то самой тогда уже двадцать пять было. Офицеры все семейные, тоже серьезных планов не выстроишь. При упоминании об офицерах на лице ее неожиданно выступил румянец.

– Ну и парит тут, – сказала она, будто оправдываясь.

Я догадалась, что случайно коснулась чужой тайны. Пожала плечами: воинская часть – не монастырь. Чего меня стесняться!

– Что, запала на кого-нибудь? – полюбопытствовала я.

Светлана помолчала, будто раздумывая, стоит ли со мной откровенничать. Затем, не отвечая на мой вопрос, продолжила:

– Мне уже скоро тридцать, а меня по-настоящему никто не любил. Так, поматросят и бросят. – Светлана неторопливо переворачивала грибы на сковородке.

– А ты сама любила?

– Я? – Светлана задумалась, отвела со лба прядь волос. – Я – влюбчивая! Ну, ты понимаешь, как это у нас, женщин, бывает.

Я неопределенно хмыкнула. Она поняла мой звук по-своему и почему-то стала возражать:

– Ты смеешься, потому что еще молодая, не встретился тебе человек.

– А тебе встретился?

– Мне? Да... Но он женат.

– Ну и что? Разве это для любви преграда? – Я говорила с легким пренебрежением, будто я была старшая, а не Светлана.

– Для любви, может, и нет, а для жизни – преграда.

– И кто он – офицер, мичман?

– Его здесь нет. Он в другом месте живет, – задумчиво сказала Светлана и тотчас перевела разговор на другую тему:

– А знаешь, у нас скоро юбилей части, грандиозное празднество намечается.

Голос Светланы снова стал ровен и деловит, будто она выступала с докладом, а не беседовала на кухне. Она рассказала, что официально полигон считался послевоенным объектом, хотя морские мобильные отряды базировались здесь раньше и принимали активное участие в боевых действиях против немецкого флота. За прошедшие десятилетия скромная военноморская база развернулась в крупный испытательный полигон флота. Наряду с охраной морской границы здесь решались и задачи внедрения новой техники.

Мероприятие должно было состояться в клубе, стоящем против нашего здания. Оттуда доносились как раз громкие звуки «Славянки», с чувством исполняемые матросским оркестром. Репетиция шла полным ходом. Уже шла подготовка к юбилею – как я раньше не замечала? Над входом в клуб были вывешены флаги: военно-морской советский и андреевский – с голубым крестом по диагонали белого полотнища. Сейчас пошла мода на дореволюционные реликвии. Вообще время непонятное, какое-то неопределенное. Волна преобразований, начатых Горбачевым, всколыхнула и эту воинскую часть. Светлана продолжала:

– Теперь, после горбачевского антиалкогольного указа, все официальные мероприятия у нас проходят трезво. В клубе на столиках будут только фрукты и кофе.

– И что – ни-ни?

– Формально – ни-ни. Да это и к лучшему.

Морской братии узда не повредит. Народ бесшабашный. Но конечно, совсем без спиртного наш народ веселиться не умеет. Матросы гонца пошлют в деревню за самогоном и в клуб придут уже навеселе. А офицеры после официального мероприятия семьями соберутся, под домашнему посидят. Ну, там уже жены за ними смотреть будут.

* * *

Через два дня затянувшаяся монотонность нашей практики прервалась, в родную гавань возвращался эсминец. Наконец я увижу своего отца!

Весь гарнизон вышел к причалу встречать моряков. Корабль бросил якорь на рейде, в море. Небольшой катер доставил на берег команду и участников экспедиции. В первых рядах встречающих толпились жены и дети моряков. Чуть поодаль – мы с Юрой, пришли поглазеть на это зрелище. Вдруг он незаметно ткнул меня в плечо, шепнув: «Вон там, гляди, кавторанг Островский, помнишь, я тебе о нем рассказывал». Я видела, как на шею Островскому бросились его почти взрослые дети, я видела их на волейбольной площадке. Значит, это мои брат и сестра! Как потом Островский, наклонившись, поцеловал свою жену, маленькую, незаметную. Он прошел с семьей мимо толпы встречающих и приветливо махнул рукой Юре.

Я лишь мельком увидела его лицо, толком не разглядев: его закрывала тень от лакированного козырька фуражки.

Только через день, на практике, я смогла увидеть Островского близко.

Капитан второго ранга, мой отец, Валерий Валерьевич Островский, вернулся на штатное место своей работы, в лабораторию. Я смотрела на него во все глаза, ожидая, что он тотчас признает во мне дочь. Но он обращал на меня внимания не более, чем на остальных. Островский оживленно обсуждал с сослуживцами результаты испытаний, тут же набросал план научной обработки привезенных материалов. Материалы представляли собой магнитные пленки с записью шумов моря и кораблей. Причем и Серов в присутствии Островского держался с нами подчеркнуто вежливо. Он отчитался о проведенной работе и кратко охарактеризовал нас, студенток. Похвалил Оксанку и Эльку, но про меня заметил, что эта девушка, Катя Петрова, относится к делу легкомысленно, пропускает практику. Ей, то есть мне, нельзя доверить важную работу.

Вот гад, какой принципиальный стал, когда я его отшила. Я действительно пропустила несколько занятий, но я же не дура. Кем он меня перед Островским выставляет! Но Островский, кажется, не принял всерьез данные своим помощником характеристики на студенток.

– Подожди, Анатолий, мы с тобой вначале сами разберемся, а потом объясним девочкам, что от них требуется.

Потом повернулся к нам троим и скомандовал:

– Вот что, девчонки, отправляйтесь сегодня домой, отдыхайте, а к завтрашнему дню мы подготовим вам фронт работ.

– Завтра воскресенье и юбилей части! – напомнил Задорожный.

– Тем более, девочки. Идите чистите перышки, готовьтесь к празднику, а работу начнем с понедельника.

Мы покинули научно-исследовательский корпус и отправились на море. День был ясный, солнечный. Мы плюхнулись на мелкий мягкий песок. Девчонки, завидуя моему загару, подставили свои бледные спины неяркому балтийскому солнцу. Они оживленно обсуждали завтрашний праздник. Я не принимала участия в разговоре. Я раздумывала, как неудачно началось мое знакомство с отцом. К своему удивлению, я обнаружила, что тоже, как и Юрка, не заметила каких-то особенных черт в его внешности. Рост – средний, сложение – среднее, нос немного расширяется на кончике – прямо милицейский протокол. Но волосы! Как Юрка не заметил их отливающую соломой желтизну! Такие же желтоватые блондины встречались повсюду среди местных эстонцев. Я вспомнила рассказ военрука дяди Гриши о первом Островском в городке-крепости, сообразительном чухонце, как тогда называли финнов. Увы, мои волосы были темными, но носы наши были похожи.

И тут я вспомнила еще одну примету, характеризующую внешность Островского. Его глаза. Карие глаза при светлых волосах – это большая редкость.

Вот так всегда, самое явное почему-то проскакивает мимо сознания. Я сегодня же решила поговорить с Островским и признаться, что я – его дочь. У меня, кстати, тоже карие глаза.

На работе вступать в личный разговор было неуместно, оставалось подловить Островского на спортплощадке. Я уже заметила, что в гарнизоне спортплощадка была центральным местом, вроде Невского проспекта в нашем Питере. Разумеется, не все жители городка занимались спортом, но так или иначе топтались здесь. Подростки сражались в волейбол и кидали мяч в корзину. Офицеры бросали биты, сбивая фигуры городков, а жены просто чесали языки и присматривали за младшими детьми, сновавшими тут и там. Островский сидел на зрительской скамье у беговой дорожки, обняв за плечи свою жену, хрупкую женщину с реденькими белесыми волосами. Она была совсем не похожа на других гарнизонных дам, отличающихся громкими голосами и одевающимися с нарядной пышностью. В предыдущие вечера я ее тут не видела. Вероятно, без мужа она не выходила на местный Бродвей. Изредка к ним подбегали их дети – долговязый старшеклассник Максим и Марина, по виду пятиклассница. Как-то они отнесутся ко мне, когда узнают, что я – их сестра?

Я все надеялась, что Островский встанет и отойдет от своей жены, но он явно не собирался никуда уходить. В очередной раз, когда Марина отбежала от отца, я подошла к ней. И тут же попросила ее позвать отца для важного разговора.

– Вы проходите у него практику? – уточнила Марина. – Папа рассказывал, что у них появились студентки, две старательные, а одна с ленцой. Вы какая? – невозмутимо спросила она.

– Конечно, старательная, – обманула я ребенка. – Мне надо трудную задачку с ним обсудить.

– А, понятно, папа и мне помогает трудные задачи решать.

Она подпрыгнула на месте и помчалась к отцу передать мою просьбу.

– Валерий Валерьевич, – обратилась я к нему, когда он подошел ко мне, – разрешите вас на пару слов по конфетцальному вопросу.

– По конфетному вопросу или конфиденциальному? – с улыбкой уточнил он.

– Ну, вы поняли, – смутилась я.

– Я к вашим услугам, Катя.

Оказывается, он запомнил мое имя, хотя там, в лаборатории, не удостоил не единым словом.

Мы вышли на песчаную дорожку, бегущую вдоль пляжа. Я не знала, как начать разговор. Наполовину скрытые водой, над пляжем возвышались большие валуны и камни поменьше. Волны не спеша набегали на берег и с легким шелестом откатывались назад, прячась за камнями. По темному морскому простору непрестанно гулял луч прожектора, выхватывая то корабль вдаль, то подводную лодку за причалом. Изредка луч прокатывался над берегом. Часть валунов вросла в сушу. Внезапно я узнала место, где провела ночь с Иваном. Некстати вспомненное обстоятельство совсем лишило меня уверенности. Но сегодня берег освещал не только луч прожектора, но и блеклый свет лунного диска.

Я злилась на Островского, что он не хочет помочь мне начать разговор. Разве благородные офицеры так ведут себя с дамой? Или я была для него не дамой, а всего лишь нерадивой студенткой.

Мы дошли до конца пляжа: и совершенно не удивленный моим молчанием Островский просто сказал:

– Ну что, Катя, вернемся к обществу.

Молчать дальше было глупо. Я решилась:

– Валерий Валерьевич, у вас была в училище знакомая девчонка по имени Нина?

Мой спутник от удивления и неожиданности остановился. Не знаю, каких вопросов он от меня ожидал, но явно не такого.

– Нина? – переспросил он. – Мою жену зовут Нина.

– Я имею в виду другую Нину, фельдшера в училище.

Островский задумался, припоминая былые годы, и с легким оживлением произнес:

– Фельдшерица Нина? Ну разумеется, помню ее.

Мы же с ней родом из одного городка были, кронштадтские. И что она – привет передает?

Я убедилась, что он действительно вспомнил мою мать.

– Я – дочь Нины из Кронштадта и ваша дочь! – выпалила я. Будь что будет.

– Вот как? Говоришь, ее дочь? – Он непроизвольно перешел на «ты» и изучающе посмотрел на меня. – На мать ты мало похожа! И что ты сказала – моя дочь? Ну и ну! Может, твоя мама пошутила?

Я, ссылаясь на бабушкины слова, прояснила ситуацию и в подтверждение своих слов достала из кармана пару прихваченных с собой белых слоников.

– Это ваш подарок, так ведь?

Островский с любопытством уставился на причудливые фигурки и вернул их мне.

– Нет, я никогда Нине таких игрушек не дарил.

А что, она утверждает, что это мой подарок?

– Она ничего больше не утверждает. Мама умерла, – тихо отозвалась я. – Вы теперь можете отпираться, – украдкой вытирая ладонью слезы, добавила я. – Доказать ваше отцовство никто не сможет.

– Катя, Катя, бедная девочка.

Островский достал чистый носовой платок и дал его мне. Впервые я пожалела, что у меня не оказалось платка – вечно о них забываю. Утираться его платком было неприятно. Ведь он отказался от меня.

– Послушай, Катя. Все это так неожиданно.

И смерть Нины. Почему же она, такая молодая, умерла? – Не получив ответа, продолжил:

– Да, Нину я хорошо знал, мы даже в одной школе учились. Правда, я двумя классами младше был. Она после восьмилетки уехала в Ленинград, в медучилище поступила, а я десятилетку в Кронштадте заканчивал. В то время мы с ней не встречались.

Сама посуди, стала бы ты, взрослая девушка, со школяром встречаться? А когда я поступил в морское училище, ее снова встретил. Она уже работала там в санчасти и, кстати, уже замужем была.

– Да, замужем, но муж ее в заграничку часто уходил, месяцами не бывал дома. А бабуля говорила, что в это время вы и домой к нам заходили, и так, вообще... – всхлипывая, проговорила я.

– Заходил, наверное, по-дружески. Мы иногда и в Кронштадт на одном пароме добирались. Нина ко мне как к младшему брату относилась. Освобождения от нарядов выписывала. Я своим землячеством пользовался. Что было, то было. Но близких отношений у нас с Ниной не было. И понимаете, Катя, – он снова перешел на «вы», – курсанты – не то что ребята на гражданке. Мы старались завязать серьезные отношения с девушками. У курсантов одна забота – жениться до выпуска. Потом в дальний гарнизон или на корабль пошлют, там выбирать не из кого. Так что тратить время на замужнюю женщину у меня резона не было.

Вначале его объяснения показались мне смехотворными, но Валерий Валерьевич говорил серьезно и убедительно. С каждым его словом уверенность моя слабела и таяла. Да, наверное, Островский – не мой отец. И не мог с моей матерью связаться такой строгий и основательный, каким он, наверное, и в те годы был, парень.

– А ты, уверена, Катя, что Петров тебе – не родной отец? Ты с ним обсуждала этот вопрос?

– С ним тоже теперь не поговоришь, он десять лет назад оставил нас, сбежал за кордон. Зато его отношение ко мне говорило само за себя. Не мог он быть моим отцом.

– Что, бил тебя, строго наказывал? – участливо спросил Островский.

– Даже говорить про него не хочу, – пробурчала я, возвращая Островскому влажный платок.

– Что ж, тебе виднее. А знаешь что, Катя, вернешься в Питер, загляни к Ларисе. Она с Ниной дружила.

– Какой Ларисе?

– Черт, фамилию забыл. Она зубным врачом в санчасти училища работала. Неужели ты ее не знала?

– А, тетя Лариса! Как же. Меня мама к ней водила зубы лечить. Она потом в какой-то заводской поликлинике работала. Я даже помню зрительно, где это находится.

– Ладно, Катюша, пора возвращаться. Мне надо кое-что еще подготовить. Кстати, увидишь кронштадтских, передавай привет. Давно я в родном городе не был. А как ты меня откопала, случайно?

– Руденко Григорий Миронович помог. Он у нас в техникуме преподает.

– И как он, держится? Ему уж лет-то немало, надо полагать. Мне уже скоро сорок будет. Он ведь и моим учителем был. Передай, что на службе его советы мне очень пригодились. А теперь, выходит, мне тебя учить поручено. Придется взяться всерьез.

Что-то вчера Серов на тебя жаловался.

Теперь в голосе Островского звучали прямо-таки отцовские нотки. Мне было неудобно и досадно выслушивать его замечания. Тем более, что поведать ему истинную причину моего конфликта с Серовым я не могла.

– У меня голова болела, – буркнула я первое попавшееся оправдание.

– А теперь прошла? – с улыбкой спросил он.

Мои нервы были на пределе. Я еле сдерживалась, чтобы не нагрубить Островскому. Все они одинаковы. Детей бросают, женам изменяют. Но я чувствовала несправедливость своих обвинений. Нет, Валерий Валерьевич не виноват, что у меня так скверно сложилась судьба. Мне хотелось крикнуть, что у меня не голова, а душа болит. Но я выпалила совсем другое:

– Наврала я. Голова тут ни при чем. Просто я – прогульщица и разгильдяйка! Вот так, Валерий Валерьевич. – И я снова зарыдала!

Но умный добрый капитан Островский возразил мне:

– Не надо, Катя, на себя наговаривать. Я верю, что у тебя были основания пропустить практику. Но у тебя еще достаточно времени, чтобы показать, как ты умеешь работать. Нам сейчас предстоит исследовать сигналы акватории. Все магнитные записи с полигона надо быстро прогнать через лабораторные магнитофоны. Так что сейчас твоя партия станет заглавной.

Я перестала всхлипывать. Никто еще так не говорил со мной. Что ж, я докажу Валерию Валерьевичу, что на меня можно положиться.

Мы вернулись в городок и разошлись в разные стороны.

* * *

Просторный зал клуба был украшен гирляндами из военно-морских флажков, расчерченных горизонтальными и вертикальными линиями. В них посвященные могли прочитать поздравление личному составу части. На сцене стоял большой плакат с цифрой 40. Под ним – белое эмалированное ведро с огромным букетом полевых цветов. Их красиво подобранные синие, фиолетовые, васильковые соцветия тоже были сродни морю и морякам. В углу сцены, в специальной стойке, висело знамя части, а на занавесе крепились выпиленные из фанеры ордена Ленина и Красного Знамени.

Зрительный зал, он же кинозал, был преобразован в ресторанный. Фанерные кресла были вынесены. Вместо них расставлены столы и столики.

Длинные, вдоль стен – для матросов, маленькие, на четыре – шесть человек, – для офицеров и членов их семей. Кроме фруктов, столы украшали тарелки с выложенными на них горкой пирожками, слепленными главным коком части.

После обязательного официоза – выступления командира части, объявления благодарностей и вручения грамот – начался концерт. Его вела статная дама в длинном шелковом платье, жена командира части.

Потом выступила рок-группа части – «Флибустьеры». Члены ее – два гитариста, барабанщик, ударник и солист без инструмента – выдали незнакомые самодельные тексты про пиратов, а также известную песню о бригадине, поднимающей паруса. Я нетерпеливо притопывала ногами в такт музыке. Затем хор из матросов и девушек-контрактниц исполнил лирические морские песни, глупо-сентиментальные. От этих песен жены офицеров прослезились. Слова были наполнены для них собственными жизненными переживаниями: вечной тоской ожидания, на которую обречены подруги моряков.

Наша шестерка, девчонки и Юра, сидела за крайним столиком, рядом с матросским столом.

Матросы-срочники колыхались перед нашими глазами бело-синей полосой. Они с оживлением уплетали пирожки и яблоки, изредка бросаясь в студенток огрызками. Один черенок попал мне в шею.

Я пристально посмотрела на одинаково стриженные головы. Определить виновника было невозможно.

Я погрозила морячкам кулаком, чем вызвала у них взрыв хохота. Рассмеялась и я. Настроение мое заметно улучшилось. Я впервые встречала праздник в такой большой дружной семье.

Я переводила взгляд от столика к столику. Рядом с нежно-кремовыми рубашками офицеров пылали разноцветьем платья их жен. Холостяки сидели своей компанией, рядом с контрактницами.

Наши ребята из техникума тоже не терялись. Многие из них сидели за столиками с симпатичными девушками в форме. Тем временем на сцену вышла группа матросов и стала исполнять танец «Яблочко». Танцоры выделяли такие коленца, что я залюбовалась. Мои ноги тоже пританцовывали в такт веселой мелодии. Скорей бы начались танцы!

Матросы, исполнив танец еще раз, на бис, покинули сцену. И тут полковая дама объявила название знаменитой песни Пугачевой и знакомые мне фамилии местных исполнителей.

На сцену вышла Светлана Колокольцева, в обтягивающей бедра форменной юбке и светлой блузке, затянутой у ворота строгим галстуком. Только сейчас я обратила внимание, как чертовски сексуально выглядит женщина в хорошо подогнанной морской форме. Она взяла у ведущей полковой дамы микрофон и, пробуя его, голосом примы повторила название песни: «Маэстро». Следом за ней появился, тоже в форме, капитан Островский и сел у старенького пианино на обычный стул. Их дуэт имитировал дуэт двух советских звезд: композитора и певицы, но тягаться со знаменитостями – провальное дело. В исполнении Светланы песня казалась просто пародией на саму себя. Хотя, надо отдать должное, аккомпанемент был неплох. Валерий Валерьевич поразил меня. Как здорово он бренчит на пианино, мне бы так! Странное чувство родственной близости с этим человеком не оставляло меня. Я давно заметила, что чужой человек, пусть по ошибке принятый за другого, становится наполовину тем, за кого его приняли. Как будто мы в своем воображении создаем его. Почему-то я испытала гордость за музыкальные способности этого в общем-то чужого мне человека. Да, жаль, что он не мой отец.

После исполнения своего номера Островский и Колокольцева ушли за кулисы, но вскоре спустились в зал и сели за разные столики. Островский подсел к своей маленькой жене, а Светлана присоединилась к подругам по службе. Я продолжала смотреть на «отца» – как он держался, говорил, смеялся. Против обыкновения, он не был суховато сдержан. Он был раскован и безупречен во всем: в движениях, осанке, будто артист на телевизионном «Голубом огоньке». Только, в отличие от артистов, улыбался сдержанно, уголками губ. Изредка он наклонялся к жене и тихо сообщал ей что-то. Ее бледное, невыразительное лицо тоже озарялось улыбкой. Было заметно, что она гордится своим мужем.

Наконец концерт окончился. Матросы быстро сдвинули столики к стенам, освобождая центр зала.

Временное кафе превратилось в танцевальную площадку. «Флибустьеры» заиграли популярны песенки в танцевальном ритме. В наше время мужчины и женщины танцуют отдельно друг от друга, стоя в кругу или друг перед другом, меняясь условными партнерами. Я люблю такие танцы, и у меня здорово получается. Если бы моя мать думала о воспитании дочки, она бы отвела меня в танц-кружок или даже в хореографическое училище, в Вагановку. Но туда берут после третьего класса. Тогда еще я была не в состоянии сама отправиться на просмотр. Я и не знала о таком училище. Когда я самостоятельно стала определяться со своими увлечени-

ями, было уже поздно. В Доме пионеров, в танцевальном кружке, куда я заявила в седьмом классе, мне дали от ворот поворот. Сказали, что стара. Однако нашлось и для меня место – дискотеки. Вот где я оттягивалась по полной программе.

Вот и сейчас как-то незаметно танцующие стали расступаться, освобождая мне пространство. Я кружилась с яростным, каким-то испанским задором, то изгибаясь назад, то резко выкидывая в стороны руки и ноги. Сегодня на мне была юбка из красного шелка и черная обтягивающая майка. Я знала, что при самых головоломных па, когда юбка вздымалась колоколом, сверкали мои замечательные трусики из черного кружева. Хотя, когда я танцую, я забываю обо всем на свете. Будто наркотическое опьянение охватывает меня. Я не вижу никого и ничего. И я не боюсь выпустить на всеобщее обозрение свою душу: отчаяние и любовь к миру. Неожиданно для меня музыка смолкла. Хотя ничего удивительного в этом не было: просто закончился очередной танец. Все молча смотрели на меня.

Я стояла в кругу зрителей, часто дыша, немного усталая и чумная. И тут я сразу, безошибочно ощутила на себе взгляд Островского. Я повернулась к нему и приняла его взгляд. Его первый внимательный взгляд, обращенный ко мне. Тут же он что-то заметил жене, и та с одобрением закивала. Наверное, вот так родители радуются успеху на сцене своего ребенка, подумалось мне. Пожалуй, это был первый знак общественного признания со стороны взрослых. Оказывается, это здорово!

Тут все будто опомнилось и зал взорвался аплодисментами. Кто-то закричал «Бис!».

– Повторите, ребята, – обратился Островский к матросам из ансамбля. – Ну, Катя, попросим вас еще раз!

Снова зазвучали четкие ритмы. Теперь я танцевала чуть иначе, уже сознательно контролируя свои движения. Кажется, у меня получилось еще искуснее, хотя непосредственности поубавилось. Когда музыка прекратилась, опять раздались аплодисменты. Я снова встретила глазами с Островским. В его взгляде было откровенное одобрение, будто Островский был членом жюри и вынес мне высшую оценку. Он махнул мне рукой и пригласил к своему столику. Я подошла. Тут же мне организовали еще один стул, Островский усадил меня в свой кружок и познакомил с присутствующими.

– Катя, вы замечательно танцуете, – сказала жена Островского. – Какое чувство ритма, грациозность движений! Вы учились где-нибудь?

– Только на дискотеках, – польщенная похвалой, отозвалась я.

Едва все сидящие за столом успели сказать мне несколько приятных слов, как снова заиграла музыка. На этот раз предполагался медленный танец с партнером. Островский посмотрел на меня, потом перевел взгляд на жену. Та понимала его без слов. Она ободряюще улыбнулась, как бы разрешая мужу меня пригласить. Получилось, что мой сольный танец превратил меня в знаменитость, с которой каждому было лестно потанцевать. Валерий Валерьевич был великолепным партнером. Я послушно следовала за его движениями. Островский умело лавировал между танцующими, крепко удерживая руку на моих лопатках. Я откинула спину назад, как княгиня на балу. Мы были красивой парой: мужественный «отец» и скромная «дочь». Мне казалось, что я выступаю на конкурсе. Ни одного лишнего или нескромного движения.

Только чистая красота духа.

Меня снова посетила мысль, что мое место – на сцене. Я могла бы не только ерничать, но и приносить людям удовольствие. Музыка смолкла. Островский проводил меня на этот раз к нашим ребятам и вернулся к жене.

Объявили белый танец – передали инициативу женщинам. Я в таких случаях не трогаюсь с места.

По-моему, приглашать парней на танец – радость для уродин и старых дев. Юрка выжидающе смотрел на меня, готовый вскочить по первому сигналу. Я наблюдала за остальными. С дальнего столика поднялась Света Колокольцева и с гордо поднятой головой направилась к

Валерию Валерьевичу. Но жена Островского проворно пригласила его на танец и растерянная Светлана повернулась к другому офицеру. Этим другим был Серов, и к нему уже шла моя Тишка. Они направлялись в его сторону почти наперегонки. Я следила за их соревнованием. Тишка поспела первой. Серов, взяв даму под локоть, вывел на середину зала. Светлана, почти не глядя, пригласила незнакомого мне офицера, сидящего за тем же столиком, что и Серов. Да, унижительная ситуация для девушки. Юра сам решился пригласить меня. Но я отказалась, сославшись на усталость. Я наблюдала, как Островский танцует со своей женой. Она была намного ниже его и почти утыкалась маленьким острым носиком ему в грудь.

Он, отстранение глядя поверх ее головы, механически делал нужные повороты. Никакой красоты в их танце не было. Партнерша все портила своей скованностью. Понятно, почему она отпустила мужа танцевать со мной: в танцах она была совсем беспомощна.

Снова начались общие танцы в толпе. Я потеряла Островского из виду. Вместе со всеми пошла танцевать общий танец, но теперь я не выделялась среди прочих. Как будто первое выступление съело мою душу. К тому же ко мне прилип Юрка.

– Я тебя больше от себя не отпущу, – пригрозил он. – Хватит красоваться с женатыми офицерами. А я на что?

– Дай мне хоть перед смертью надышаться, – пошутила я, подразумевая под «смертью» свое предстоящее замужество.

В этой шутке была доля горечи. Мне казалось, что я действительно должна буду отказаться от каких-то милых душе привычек. Вряд ли я смогу посещать дискотеки так же часто, как сейчас. И я знала, что я раба своего слова. Оттого я редко что-нибудь обещаю. Эту верность слову привила мне моя бабуля за те годы, когда она воспитывала меня одна.

Когда я привычно, как прежде перед мамкой, канючила: «Ба-б, я больше не буду...» – она резко прерывала меня:

– Никаких обещаний! Еще твой покойный дед говаривал: «Дал слово – держись, а не давши – крепись!»

Мой дед, Константин Трифонович Кузнецов, тоже вырос в Кронштадте и был главарем местной шпаны. С четырнадцати лет, как и его отец, работал на морском заводе. Вначале – мальчишкой на побегушках, потом стал клепальщиком. Тогда корабли еще были не сварные, как сейчас, а клепаные. По словам бабушки выходило, что, если бы не началась война, дед спился бы или загремел в тюрьму. Он постоянно был зачинщиком каких-то драк и потасовок. Но началась война, и дед, не успев отслужить срочной, стал матросом буксира, доставлявшего боеприпасы в Кронштадт. Эта крепость, выстроенная Петром I, прикрывала Ленинград от фашистов. За всю войну дед не получил ни единой царапины, а вот после не повезло: тралычик, на котором он работал, подорвался на mine.

Позднее бабуля часто вспоминала деда, своего сумасброда Костеньку. Так вот, верность слову она считала главным его достоинством. Он никогда не обещал того, чего не мог или не хотел сделать. Свои пьяные выходки в кабаках он не считал проступками, а своими победами в потасовках он гордился.

Тягу к выпивке его дочь унаследовала, но честность не была ее характерной чертой. Моя мать безбожно врал на каждом шагу. Но я, пойманная на проказах никогда не давала обещаний, что это не повторится. «Вся в деда», – говорила бабуля. Ясное дело, еще как повторится, думала я. И позже, в техникуме, случались разные прегрешения. В критических случаях я, потупив голову, говорила: «Да, виновата», но ничего не обещала исправить. И так вышло, что с Юркой я связала себя обещанием, не любя его.

Вечер закончился. Мы с Юрой вышли из клуба, и он тут же у ступеней подъезда припечатал меня губами, будто поставил клеймо собственника. И в тот момент, когда я почти задохнулась от нехватки воздуха, вызванного сумасшедшим поцелуем, я снова увидела Островского с женой. Он, заметив нас с Юркой в такой недвусмысленной позе, деликатно отвернулся.

Мы же с Юркой стояли в световом конусе фонаря, будто на сцене. Почему я сегодня все сравниваю со сценой? Для кого я живу – для себя или для других?

Юра тоже заметил выходящих из клуба людей.

На мгновение передохнул и тут же, решительно схватив меня под руку, уволок во тьму ночи, за какие-то строения позади клуба.

– Юрка, ты сегодня прямо псих какой-то. Куда ты меня тащишь?

Он остановился и стал осыпать мое лицо короткими страстными поцелуями, постепенно приближаясь к моим губам. Когда его язык оказался в моем рту, я потеряла возможность рассуждать. Целую бесконечность я плыла в его объятиях. В каком-то полусне я видела, как он бросил на землю свою куртку, как оказался надо мной. Я хотела напомнить ему о презике, но он резким движением закинул мою широкую юбку чуть ли не на голову, не слушая меня. Мы были вместе не первый раз, но таким решительным я своего увальня Юрика еще не видела. И как он мне сегодня понравился!

Наконец он отстранил меня:

– Все, Катюша, баста. Больше я тебя делить ни с кем не буду. И никому не отдам. Ни Задорожному, ни Островскому, ни кому другому.

Странно, что он упомянул фамилию Задорожного. Неужели ему кто-то донес о том, что тот пьяный вечер я провела с мичманом?

На лоб мне упала какая-то капля, затем другая.

Начал моросить дождь.

– А сейчас, Катюшка, извини. Меня ждут ребята в кубрике. У нас сегодня междусобойчик намечается, ты отпустишь меня?

Я, конечно, не возражала. Мне даже хотелось после сегодняшнего вечера побыть одной. Юра еще раз поцеловал меня и оставил на тропинке, ведущей к нашему подъезду. Сам резко повернулся и скоро скрылся за темными силуэтами вспомогательных зданий.

Дома, в общежитии, была только Тишка. Она была грустна. Мужчина ее мечты Серов, видимо, за пределами лаборатории уделял ей немного внимания. Мы, как две образцово-показательные школьницы, оказались одни. Я завалилась на койку, Тишка штопала дырку на незнакомых мне трениках. Голова ее низко склонилась к рукоделию, так что очки заметно сползли на нос.

– Ты что там, как Золушка, корпишь? – пошутила я. – Порвала штанцы, по деревьям лазала?

– Это спортивные брюки Анатолия Сергеевича.

– Ну ты даешь! Что, задание по практике? Он тебя попросил?

– Нет, я сама предложила. Он же без жены остался.

– Хорошенькое дело! Как тебе в голову пришло такое!

– Помнишь, на той неделе, когда у нас пьянка по случаю приезда была... Он тогда в штатское был одет. Вот тогда я и увидела, что коленка едва заметно светится.

Я знала, что Тишка приметлива. Но до такой степени! Я провела с Задорожным ночь, мне и в голову не пришло его штаны разглядывать. А Тишка тогда и видела его минут двадцать всего. Может, они потом с Серовым, когда я ушла, еще общались? Или в разговоры о чертежках штанцы вклинились? Тут будто кадры кинофильма мелькнули перед моими глазами. Тишка и Серов на площадке черной лестницы лабораторного корпуса.

Тишка и Серов в закутке столовой, за служебным столиком. Все их почему-то скрываемые от общественности встречи вдруг суммировались в моей голове.

– Ты с ним спала? – напрямик спросила я.

Оксана залилась краской:

– Ну какое это имеет значение.

– Новая любовь, идеальная личность?

– Ты, Катя, не смейся. Капитан Серов – не такой, как все. Я бы за ним на край света пошла.

После защиты диплома я попрошу распределение в эту часть. Правда, он меня отговаривает. Не хочет, по его словам, такой жертвы. Знаю, многие мечтают вырваться из этой глуши. Но я не боюсь скуки, нет. С любимым, знаешь, и в шалаше рай.

– А физик? – напонила я ей прошлогоднее увлечение нашим учителем. Тогда, влюбившись, Оксана мечтала остаться на кафедре, работать рядом с ним лаборанткой.

– Физик – это детское. Физик – Учитель, с большой буквы. Но он уже старик, вся голова седая. А Серов – совсем другое. Его взгляд говорит даже тогда, когда молчит он сам. А как умен, разносторонне талантлив! Ты видела морские пейзажи на стенах в клубе? Его работы!

Вот это новости, таланты объявились. А мне-то Серов показался просто бабником.

– Вот как! Он еще и художник.

Тишка почувствовала насмешку в моем голосе и замолчала.

Вдруг она тихо ойкнула – производственная травма. Уколола палец иглой. Тишка засунула пострадавший палец в рот и стала смачно его сосать.

Вскоре она снова принялась за шитье и уже другим, почти равнодушным тоном спросила:

– Катя, а тебе что, по сердцу Островский?

Ну и словечки подбирает, тургеневская барышня. Я не хотела говорить с ней об Островском. Тем более, что сама не знала, как к нему относиться.

Я могла бы сказать лишь одно: его внимание на вечере было мне приятно.

– Мы просто разговаривали, – отмахнулась я и вновь решила подойти с другого конца к ее делам – подловить, что ли.

– Тишенька, скажи, Серов у тебя первый?

На этот раз Тишка замолчала надолго. Я даже подумала, что она не расслышала мой вопрос. Наконец послышалось тихое, как выдох:

– Первый давным-давно был.

Вот те раз! У меня на глазах происходили все ее безумные любви на расстоянии. Никак не думала, что с кем-то дошло до постели.

– И кто? Расскажи.

– Это мой отчим.

– Отчим? А когда это случилось?

Я не раз видела ее отчима. Он казался мне слегка занудным, но вполне положительным мужиком.

Не пил, не скандалил. Немного угрюмый. Он обычно лежал на диване с техническим справочником в руке. Тишка говорила, что на заводе его ценят как хорошего рационализатора. Он и дома думал над разными шаблонами, приспособлениями. И Тишка никогда на него не жаловалась.

– Давно уже. В седьмом классе, когда ты в венбольнице лежала. – Тишка говорила все тише и тише, почти шепотом. – Как-то матери не было дома. Он вошел в мою спальню и взял силой.

– Так вдруг, ни с того ни с сего? А до этого не подкатывался?

– Он и жил-то с матерью всего полгода. Видно, присматривался...

– И ты никому не рассказала?

– Нет, я боялась. И стыдно было.

– И часто это потом происходило?

– Еще один раз. Мне уже страшно было оставаться с ним дома вдвоем. Я нож под подушкой держала. Решила, убью, если еще раз сунется. А в то время моя бабушка болела. Она от той же болезни, что и твоя, скончалась. Только твоя – дома, а моя в больнице лежала. И мать

при ней дежурила. Вот отчим в ее отсутствие снова ко мне полез. Тут я нож из-под подушки схватила и в пах ему метнула.

– Ну и?..

– Он, конечно, без труда мою руку перехватил, нож только царапнул по бедру. Разъярился, слов нет. Красный, всклоченный. Обычно он свою лысину волосками с боку покрывал. Водой смочит, пятерней пригладит. А тут над одним ухом длинная прядь висит, лицо перекошенное. Одежду на мне разорвал и так издевался, так издевался... даже грудь искусал.

Речь Тишки прервалась, и она разрыдалась. Потом она сняла очки и положила их на тумбочку, продолжая всхлипывать. Я вскочила со своей кровати и под села к Тишке.

– Неужели ты и тогда промолчала, матери не рассказала?

– Он пригрозил: «Скажешь кому – убью!» Я хоть и дрожала от страха, в ответ бросила: «Подойдешь еще – самого убью!» Но маме не стала говорить. Она и так места себе не находила: врачи уже сообщили, что бабушка безнадежна. А тут еще я бы ее расстроила. Конечно, мне хотелось раскрыть ей глаза на этого подонка. Да она, может, еще и не поверила бы.

Она знала, что я отчима недолюбиваю. Мне этот тип сразу не понравился, когда он впервые явился в наш дом. У нас с мамой и отношения после его прихода ухудшились. А он больше после того раза не подходил. Видно, тоже испугался.

Я погладила Тишеньку по голове. Называется, лучшая подруга. Столько лет молчала! Но разве я сама рассказывала кому-нибудь про игры своего отчима «в котика»? Теперь я окончательно уверилась в том, что Петров был моим отчимом. Вот что эти отчимы с падчерицами вытворяют! Спасибо моему, что больно мне не делал. А тут такой кошмар пережить!

– Тишенька, и со мной ведь было почти такое.

– Как, с родным отцом? – изумилась она. – Да разве это возможно? Какой же свиньей надо быть, чтобы к дочери в постель залезть!

Ее близорукие глаза, полные сочувствия и печали были сейчас необыкновенно красивы. Я впервые заметила, как преображаются глаза человека, когда он настроен на твою волну.

– Он мне, оказалось, не родной. Бабуля перед смертью открыла.

– А где же родной?

– Я и сама не знаю. Думала, Островский.

– Островский?

– Да, бабуля так думала, но она ошиблась. И теперь я не знаю, где искать своего настоящего отца.

Да знаешь, я боюсь даже его найти.

– Боишься? Почему?

– Ну, вдруг противным окажется, как... – Я чуть было не назвала фамилию Серова, но вовремя запнулась. Нравится он Тишке, пусть. – Вдруг забулдыга какой или преступник. Я знаешь сколько испереживалась уже здесь, в части, когда то одного, то другого за отца принимала. Да ладно. А где твой настоящий отец?

– Он умер давно. Я его не помню, маленькая была.

– Наверно, когда умер, это лучше всего. Мертвые плохими не бывают.

– Что ты говоришь, Катюша. Разве можно так о родном человеке! Отцы никогда плохими не бывают.

Отец – это, понимаешь, такое высокое, святое. Это почти как. Бог на земле. Если бы мой отец был жив, я бы знаешь как его любила! Пусть он горбатый, маленький и некрасивый. Дело в мужском духе, поддержке. Возьми нас с тобой, что без отцов выросли. Я – затюканная, мужчин боюсь, их грубости. Понимаешь, только Серов помог преодолеть мне этот страх.

Он такой ласковый, такой нежный. И знаешь, – Оксана еще гуще покраснела, – я впервые испытала оргазм. А взять тебя, – вернулась она к теме безотцовщины, – ты, как мальчишка,

отчаянная, никому не веришь, никого не любишь. Все пытаешься что-то доказать. А вот у Эльки – нормальный, родной отец.

И она – нормальная девчонка: и отличница, и расслаблена по жизни. Чувствует, что ее все любят, все принимают. Ты все-таки ищи отца. Вдруг найдешь, тогда сразу счастливой себя почувствуешь.

Тишка прямо огорошила меня своим признанием об оргазме и рассуждениями о крутой дорожке, по которой вдут девчонки без отцов. Я считала, что мои проблемы с поведением возникли из-за пьющей матери. А Тишка говорит, что важнее чувствовать плечо отца, защиту. Может, это в детстве имеет значение. Вот, к примеру, Маринка, дочь Островского, – какой примерный ребенок! А я всю жизнь себя в обороне чувствую. Любой непонятный взгляд в мою сторону как атаку воспринимаю. Тотчас взрываюсь. Выходит, будь у меня отец, защита, я бы мягче была, спокойнее. Но я уже почти взрослая. Вот будет у меня муж, будет и защита. Я тотчас подумала о Юрке Нежданове. Заместитель отца?

Нет, конечно нет. Это – иное. А что бы изменилось, окажись Островский действительно моим отцом? У него другая семья. Все равно вместе с ним я не смогла бы жить. Я не знала ответа на этот вопрос, но внутреннее чувство говорило мне, что моя жизнь началась бы с нового рубежа, подтвердись его отцовство. Увы, не подтвердилось.

Неожиданно напряжение последних дней – рухнувшие надежды, случайная связь в пьяном виде, неистовство Юрки, внимательность Островского и все другое – смешалось в колющий огромный ком, застрявший в груди. Я заплакала от безысходности.

Нет, ничто не изменится в моей жизни. Я так и обречена кувыркаться все отпущенные мне дни. Слезы текли и текли из моих глаз.

Оксана погладила меня по голове. Ее пальцы утонули в моих спутанных кудрях.

– А ты помнишь, как у тебя было? Ну, с твоим отчимом.

– Почти не помню. Я тогда еще в школу не ходила. Просто он разные неприличные игры затевал.

– Понимаю. Ладно, давай ложиться.

Мы разделись и, не сговариваясь, легли вместе на ее кровать. Я прижалась к худенькому тельцу моей подруги. Я чувствовала себя мамой, защищающей свою дочку. Она затаила дыхание в моих объятиях и лежала не шелохнувшись. Я, просунув руку под ее ночную сорочку, погладила ее шелковистое бедро. Близость обнаженного тела не возбуждала меня, но усиливала нежность, испытываемую к подруге. Потом моя рука застыла на ее боку;

Наши вдохи и выдохи становились все более и более слаженными. Незаметно, под аккомпанемент собственного дыхания, мы заснули.

Глава 4

Я заметила, что красивые места часто не только завораживают, но и подчиняют себе людей. Торжественное спокойствие Балтийского моря действовало умиротворяюще и на меня. Теперь я, как примерная студентка, днем отсиживала часы на практике, выполняла ответственные задания Островского. Сам Островский в лаборатории бывал редко. То он возился с подводными гидрофонами в акватории, то проводил замеры с пульта управления. Он относился ровно ко всем студенткам, не выделяя и меня. Как будто и не было моего триумфа на юбилейном вечере, не было нашего незабываемого танца. А на что я, собственно, надеялась? Зато в любой свободный час теперь рядом со мной находился Юра. Он провожал меня утром до дверей лаборатории, а потом отправлялся на акваторию. С возвращением из экспедиции Островский снова привлек Юру к себе в помощники.

Вечерами мы вместе ловили с пирса рыбу, чуть в стороне от подводной лодки. Лодка стояла, как тут говорили, расхоложенная и не очень пугала рыб. Она и сама казалась огромным черным китом, временно заснувшим. Тут же были и другие наши ребята с удочками и спиннингами. Потом мы объединяли наш улов и варили в котелке уху. Однажды я отправилась за шишками – топливом для нашего костра. Я уходила все дальше и дальше вдоль берега, и наволочка, в которую я собирала шишки, постепенно тяжелела. Я присела на уже остывающий плоский камень и бездумно внимала шуму моря. Вдруг в ровный гул волн вплелся новый звук: пляжная галька глухо зачавкала под чьими-то шагами. Затем все затихло: видимо, гуляющие тоже присели. Но вскоре ветер донес до меня женские голоса. Скрытая большими валунами, я была невидима для собеседниц. Один голос я узнала: чуть окающий, волжский говор Светланы Колокольцевой. Второй голос был мне незнаком – видимо, принадлежал ее подруге. В голосе Светы слышалась тревога:

– Понимаешь, Лена, у меня скоро будет ребенок.

– Ты что, с ума сошла! Поезжай немедленно в Таллин, – заявила невидимая мне Лена. – Я тебе адресок дам. За одни сутки избавишься. Сейчас это быстро делают, если за деньги.

– Я не хочу избавляться, – грустно заметила Светлана. – Но отца у ребенка не будет.

– И куда ты с дитем? Домой поедешь? А что Островский – отказывается жениться?

Услышав знакомую фамилию, я еще сильнее наострила уши и пригнулась на камне.

– Да он и не обещал мне ничего. Понимаешь, он был так добр ко мне. Он вошел в мое положение. Ведь мне уже тридцать. Я хотела стать матерью, пусть одинокой.

– Да ну! – присвистнула невидимая подруга.

– Да. И разве я могу подвести его! Ты же знаешь, как политсовет части реагирует на такие вещи: выговор, снятие звездочек с погон и все в этом роде. Мне надо уехать, пока еще не заметно. Но контракт, сама понимаешь. Нужна справка от врача. Тут и пойдут разные разговоры, догадки начнут строить...

– А он тебя любит? – задала Лена главный вопрос.

Этот вопрос почему-то жутко заинтересовал меня.

– Мне кажется, он уступил моей мольбе. Знаешь, однажды на репетиции мы остались одни в клубе. Там все и произошло.

И жена его ни о чем не догадывается?

– У него очень умная и деликатная жена. Она никогда и виду не покажет.

Я слушала разговор подруг, и противоречивые чувства овладевали мною. Оказалось, что я, без всяких на то оснований, успела создать из Островского образ идеального мужчины. Так идеализируют своих родителей маленькие дети. Но я давно уже не ребенок, тем более – не его ребенок. И все же. Надежда встретить в жизни идеального героя, наверное, присуща каждому человеку. И чем сильнее отличается повседневная жизнь от идеальной, тем больше жажда

совершенного. Не важно, что Светлана, по ее словам, сама совратила Островского. Он ведь тоже не ребенок. Наверное, с удовольствием воспользовался ситуацией.

Тем временем Светлана продолжала свой рассказ, перемежая его всхлипами:

– Ты его не знаешь, Леночка. Он очень целеустремленный человек, после училища окончил еще и академию. Он сейчас диссертацию пишет. Разве ему место в нашем захолустье! Он, должно быть, скоро пойдет на повышение. Так что ни о разводе, ни о внебрачном ребенке и разговора быть не может. Да у нас все как-то случайно получилось. Вначале я не думала, что у нас может быть что-то серьезное. Мысль о ребенке мне позже пришла, когда я влюбилась в Валерия без памяти. Мы просто исполняли вместе песни. И ни-ни, даже не прикоснулся, хотя часто одни оставались на репетиции.

Это тебе не кобель какой, вроде Серова. Помню, от Анатолия еле отбилась, когда он нас, контрактниц, специальности обучал. Тот прямо на работе руки к сиськам тянул. А Валера – не такой. Он культурный, обходительный. Я его почти принудила, точнее, разжалобила своим положением.

– Интересно, Светка. Расскажи.

Я подалась головой в сторону подруг, чтобы лучше слышать их разговор. Но галька на пляже снова пришла в движение, заглушая слова уходящих девушек. Я тоже встала с камня и побрела к нашим. Услышанное пересыпалось в мыслях, как камешки под ногами. Островский – такой же, как все. Как Задорожный, как Юрка Нежданов, как я сама. Горькое разочарование охватило меня. Неужели нет на свете идеальных людей?!

* * *

Приближалось первое сентября. Наша практика подходила к концу. В эти дни случилось еще одно любопытное событие. Эльвира и Иван Задорожный устроили помолвку. На ней были наши девчонки и несколько моряков, товарищей мичмана. Они подсмеивались над своим другом. Говорили, что погнался за ленинградской пропиской и хочет выбраться из гарнизона. Эльвиру обижали эти слова.

Но Иван просил ее не обращать внимания на грубый юмор ребят. «Завидуют мне, вот и выдумывают разные гадости», – отмахивался он от их слов и еще крепче обнимал счастливую Эльку. Она тоже старалась выставить перед нами своего жениха с лучшей стороны: «Знаете, девочки, таких скромных парней я еще не встречала в своей жизни».

Я вспомнила слова Оксаны о том, что девушки из полных семей более нормальны, чем выросшие без отца. Пока подтверждалось только одно: такие девушки умеют захомутать парня, когда сильно этого захотят.

В последний день нашей практики мы подводили итоги работы. Каждой практикантке предстояло написать две бумаги. Одну – для дела – с результатом проведенного спектрального анализа, другую – для макулатуры, в техникум, – отчет о практике. Вторая бумага была более пространной. Мы описали наше посещение арсенала, а также объектов, которые и в глаза не видели. Почему-то в техникуме всегда требуют отчетов вселенского масштаба. Центральную часть нашего объемного отчета составляла схема организации работ на полигоне. Только теперь до меня дошло, откуда брались шумовые сигналы корабля, которые я крутила на своих магнитофонах. Часть пленок записывали на ходовых испытаниях в море, откуда некоторое время назад вернулся Островский. Другие сигналы получали прямо на базе. Оказалось, на дне, как здесь говорили, акватории, лежали специальные гидрофоны, снимающие шумы судна на стоянке. Я, перекладывая коробки с магнитными пленками, записывала на бланк номера обработанных режимов.

Пленка была высокого качества, зарубежного производства. Нам бы с Юркой пригодилась такая, песни на кассеты перегонять. Таких бобин уже нет в продаже, они только на студиях

звукозаписи в ходу. Не успела эта мысль промелькнуть в моей голове, как следом мелькнула вторая. Если взять парочку бобин, никто не заметит. Их здесь, наверное, не меньше сотни. Я оглянулась, рядом никого не было. За соседним столом, склонив головы, корпели над отчетом девчонки. Офицеры стояли у измерительного тракта и о чем-то оживленно спорили. Я медленно приоткрыла свою сумочку и, еще раз оглянувшись, затолкала в нее две бобины. Потом не торопясь закрыла шкаф и присоединилась к девчонкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.